НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Спираль времени

СОДЕРЖАНИЕ

I. Разрывы

01 Мальчик у руин 5

02 Клерк из Нью-Йорка 12

03 Рыбак с озера Танганьика 17

04 Учёный из Шанхая 21

05 Мать и дитя 25

06 Студентка из Осло 28

07 Белая комната 32

08 Отметины времени 36

09 Первый контакт 39

10 Хроники Вселенной 43

11 Испытание. Теория хаоса 47

12 Избранный 51

13 Витки Спирали 54

14 Возвращение 58

15 Тени среди нас 61

16 Сбор команды 64

17 Провал в будущее 67

18 Возвращение к истокам 71

19 Великий диалог 74

20 Эпилог. Странник времени 77

СОДЕРЖАНИЕ

II. Мост между мирами

01	Пробуждение связей	80
02	Хранительница знаний	82
03	Первый контакт на Х’тарре	84
04	Битва за Океан Снов	86
05	Цитадель Коварнов	88
06	Сбор союзников	90
07	Любовь сквозь время	92
08	Подземные города Ксилов	94
09	Предательство и надежда	96
10	Великий совет	98
11	Битва за Солнце	100
12	Цена победы	102
13	Новый рассвет	104
14	Эпилог. Хранители Спирали	106

ЧАСТЬ I

Разрывы

ГЛАВА 01

Мальчик у руин

21 июня 2012 года. Деревня Светлая.

Последний день, который Сергей будет помнить как «прошлую жизнь», начался с запаха свежескошенной травы и жаркого солнца, уже успевшего высушить утреннюю росу. Он лежал на старой, выцветшей от времени скамейке у своего дома и смотрел сквозь полуприкрытые веки на облака, плывущие в бездонной синеве. Внутри все звенело от предвкушения летней свободы. Каникулы только начались, и впереди были целых три месяца, насыщенных до краев запахом реки, пылью футбольного поля и тайнами старых развалин.

— Серега! Иди скорей! — донесся с улицы звонкий голос Лешки.

Сергей спрыгнул со скамейки, на ходу натягивая простую хлопковую майку. У калитки его уже ждали братья — Лешка, долговязый и веснушчатый, и его младший брат Димка, маленький, пухлощекий, с серьезными глазами, казавшимися не по возрасту взрослыми.

— Что, опять на речку? — спросил Сергей, запирая калитку на проволочный крючок.

— А куда еще? — фыркнул Лешка. — Жара, духота… Только и спасу, что в воде.

Дорога до реки была вытоптана поколениями босых ног и велосипедных шин. Они шли, подбрасывая пыль шлепанцами, споря о том, кто дальше нырнет со старого ивового дерева, склонившегося над водой. Река встретила их прохладным объятием. Они провели в воде несколько часов, гоняясь друг за другом, ныряя за плоскими камешками и устраивая бурные водные баталии. Потом, уставшие и проголодавшиеся, разожгли на песчаной косе костерок и испекли в золе принесенные картошки. Ели их, обжигаясь, с крупной солью, посыпая прямо на ладонь.

— Слушайте, а не сходить ли нам в церковь? — неожиданно предложил Сергей, когда самое пекло уже спало.

Лешка насторожился.

— Опять? Мы же там в прошлый раз все облазили.

— А я в одном углу яму приметил, — соврал Сергей. — Вроде как сундук старый там засыпан. Могли монахи что спрятать.

Слово «сундук» подействовало безотказно. Даже Димка, обычно боявшийся темных мест, закивал с внезапной решимостью.

Церковь стояла на холме, заросшем дикой малиной и лопухами. Когда-то белокаменная, теперь она была серой, обшарпанной, с провалившейся кое-где крышей. В пустых глазницах окон гулял ветер, да колокольня, лишенная креста, уныло тыкалась в небо, словно обрубленный палец. Местные обходили это место стороной, особенно после заката. Старуха-соседка, тетя Глаша, клялась, что видела там «белые ходячие тени» — души сожженных монахов, что не могут найти покой.

Ребята подошли к зданию с деловым видом, отодвинув знакомые доски у бокового входа. Из яркого, напоенного солнцем мира они шагнули в царство полумрака, пахнущего пылью, прелостью и чем-то еще — холодным и древним, как сама земля.

— Темно как в печке, — прошептал Димка, тут же хватая Лешку за руку.

— Отстань, сопляк, — буркнул тот, но руку не отнял.

Сергей сунул руку в знакомую щель в кладке и вытащил оттуда свой тайник — потрепанный фонарик «Жучок» и огарок свечи в железном подсвечнике.

— Держи, — он протянул свечу Лешке. — Только спички не замочи, в прошлый раз чуть не промочил.

Луч фонарика, слабый и желтоватый, выхватывал из тьмы обломки кирпичей, груды мусора и почерневшие от времени фрески на стенах, где еще угадывались лики святых с строгими, скорбными глазами. Они прошли по главному залу, где под ногами хрустел битый шифер, и свернули в узкий, наклонный коридор, ведущий в подземелье.

Тяжелая дубовая дверь в подвал висела на массивных, проржавевших петлях. Замок, огромный и кованый, лишь казался неприступным. Сергей ловко поддел его снизу, потянул на себя и вниз — с глухим скрежетом дужка вышла из паза, и замок остался у него в руках, тяжелый и холодный.

— Фокусник хренов, — с уважением проворчал Лешка.

Дверь поддалась неохотно, пропустив их в еще более густой мрак и запах сырой земли, плесени и столетий. Воздух был неподвижным и ледяным, словно из погреба. Сводчатый потолок подвала терялся в темноте, его поддерживали частые, мощные колонны, создавая ощущение каменного леса. Другого конца зала не было видно.

— Ну, где твой сундук? — спросил Лешка, чиркая о коробок спичкой. Пламя свечи затрепетало, отбросив на стены гигантские, пляшущие тени.

— В том углу, вон, — Сергей показал лучом фонарика в сторону груды ящиков и тряпья у дальней стены. — Копайтесь, а я пока тут осмотрюсь. В прошлый раз некогда было.

— Только далеко не уходи, а то опять пугать начнешь, — предупредил Лешка, увлекая Димку к обещанным сокровищам.

Сергей кивнул и направился вглубь подвала. Луч его фонарика скользил по стенам, покрытым бархатистой плесенью, по полу, усыпанному осколками кирпича и костями мелких животных. Он шел медленно, прислушиваясь. Тишина здесь была особенной — гулкой, абсолютной, всасывающей любой звук. Лишь приглушенные голоса братьев и потрескивание свечи доносились сзади, словно из другого мира.

Его внимание привлекла одна из колонн. Она была не такой грубой, как другие, ее поверхность была когда-то тщательно обработана. И на этой поверхности, почти стертая временем, угадывалась фреска. Сергей подошел ближе, направил свет прямо на нее.

Сюжет был странным, нехристианским. Три существа. Два — похожие на человеческие силуэты, но без лиц, без деталей. Один — светлый, словно сотканный из молока, другой — угольно-черный, поглощающий свет. Светлый силуэт стоял, раскинув руки, прикрывая собой едва намеченный контур человека. Темный — парил над ним, и от него расходились волнистые линии, словно излучение, направленное на светлого. А между ними, у их ног, извивалось третье существо. Оно напоминало варана, но с крупной, обезьяньей головой, уставшей нечеловеческой мудростью. И лап у него было шесть.

Внизу, у основания фрески, шла надпись, вырезанная в камне и почти сглаженная временем. Сергей водил пальцем по холодным бороздам, пытаясь прочесть.

«...нее ...ражени... ..... све..м .. тьм...»

Он нахмурился. «Нечто... вращение... светом и тьмой?» Смысл ускользал, оставляя лишь чувство непонятной, древней тревоги.

И тут его охватило странное ощущение. Чувство, знакомое каждому, кого кто-то пристально разглядывает из темноты. Он резко обернулся, сканируя пространство за своей спиной лучом фонарика. Ничего. Только колонны, уходящие в черноту.

Но чувство не проходило. Наоборот, оно нарастало, сжимая горло. Он попытался сделать шаг, но ноги не слушались, словно вросли в каменный пол. Паника, холодная и липкая, поползла от живота к горлу. Он хотел крикнуть братьям, но не мог издать ни звука. Его тело больше ему не принадлежало.

А потом пришел туман. Он возник из ниоткуда, из самой темноты между колонн. Не холодный и сырой, как подвальный воздух, а прохладный, шелковистый, невесомый. Он стелился по полу, окутывая его ноги, и медленно поднимался вверх. Сергея охватило не страх, а странное, почти безразличное оцепенение. Он чувствовал, как туман обволакивает его с головой, как будто его накрывают невесомым, но неразрывным покрывалом.

Сквозь эту пелену он видел, как его рука с фонариком медленно опускается. Луч света, пробиваясь сквозь сияющую дымку, метнулся в сторону и погас. Последнее, что он почувствовал, — это стремительное движение, словно его куда-то понесло с огромной скоростью, и свистящий звук, нарастающий в визг.

Сознание помутнело и провалилось в бездну абсолютной тишины и небытия.

— Да она же латунная! — Лешка с презрением тыкал пальцем в найденную ложку. — Смотри, внутри царапина, медь видна!

— Неправда! — упрямился Димка, пытаясь вырвать свою находку. — Она тяжелая! Это золото!

— Дурак, золото еще тяжелее! Дай сюда!

Завязалась потасовка. Лешка, будучи сильнее, легко повалил брата на пол и попытался вырвать ложку. Димка, чувствуя несправедливость, залился горьким, искренним ревом.

— Сережка! Ау! Помоги, он обижает! — захлебываясь слезами, крикнул он в темноту.

Тишина.

— Сергей! Хватит дурака валять! Выходи! — повысил голос Лешка, отпуская Димку и поднимаясь на ноги.

В ответ — лишь гулкое эхо. И тут оба брата, одновременно, почувствовали ледяной укол страха. Они оглянулись. Огонек их свечи был крошечным островком света в огромном море тьмы. А из той глубины, куда ушел Сергей, на них повеяло таким холодом, что по коже побежали мурашки. И послышался тот самый свист. Тонкий, высокий, словно рассекающий саму материю.

У Димки от страха перехватило дыхание. С визгом, в котором было больше животного ужаса, чем человеческого крика, он вскочил и бросился к выходу, не разбирая дороги. Лешка, на секунду окаменев, ринулся следом. В панике он задел свечу. Она упала на пол, шипя, и погасла.

Теперь их окружала абсолютная, слепая чернота. Лешка бежал, натыкаясь на невидимые колонны, падая, царапая руки и лицо. Он бежал на звук всхлипов Димки, на ощупь, вперед, к спасительной двери. Вот она! Он нашел щель и начал протискиваться.

И в этот момент что-то схватило его за штанину, чуть ниже колена. Хватка была железной и ледяной. С диким, нечеловеческим усилием он дернул ногу. Раздался резкий звук рвущейся ткани. Он вывалился из подвала, кубарем скатился по короткому коридору и влетел в главный зал, залитый теперь казавшимся райским вечерним светом.

Не оглядываясь, он вскочил и побежал, догоняя уже почти добежавшего до леса Димку. Весь путь до дома они молчали, обливаясь холодным потом, слыша лишь бешеный стук собственных сердец.

А в подвале, на гвозде, торчавшем из косяка двери, болтался клок синей ткани от штанины Лешки. Рядом, на каменном полу, лежал потухший фонарик «Жучок» и блестела начищенная до золотого блеска латунная ложка.

Сергея нигде не было.

ГЛАВА 02

Клерк из Нью-Йорка

Наши дни. Нью-Йорк.

Будильник в смартфоне разорвал тишину надрывным трелем. Такер Марлоу застонал, не открывая глаз, и шлепнул по экрану ладонью. Тишина вернулась, густая и тягучая, как сироп. Он лежал на спине, уставившись в потолок, на котором причудливыми тенями от уличного фонаря играли отблески проезжающих машин. Еще пять минут. Всего пять.

Ему снова снился тот сон. Красочный, живой. Он парил над невероятным городом, где башни из хрусталя и света пронзали розовое небо, а транспортные потоки, похожие на светящихся змей, бесшумно скользили между уровнями, не пересекаясь. Он был кем-то важным. Ученым. Исследователем. И у него была цель.

Приятное послевкусие от сна таяло с каждой секундой, уступая место знакомой реальности. Жесткий матрас, скрипучий каркас кровати и духота съемной студии на окраине Бруклина.

Такер пнул скомканное одеяло и поднялся. Его отражение в зеркале шкафа-купе было безрадостным: бледное лицо, запавшие глаза, непослушные темные волосы. Единственный приличный костюм — синий, уже слегка потертый на локтях — висел на спинке стула как униформа заключенного.

Он был рядовым менеджером по закупке канцелярских товаров в «Офис-Плюс», небольшой компании, чьи амбиции не простирались дальше снабжения бумагой и скрепками окрестных контор. Работа была скучной, зарплата — мизерной, а дорога до офиса в Манхэттене отнимала по два часа в одну сторону. Но выбирать не приходилось. Мечта стать астрофизиком, изучать тайны космоса, умерла вместе с деньгами на последнем курсе университета. Скромное наследство от отца — бедного эмигранта, продавшего в панике свой европейский дом и сбежавшего от войны в недружелюбную Америку, — закончилось, не дав ему закончить образование.

«Лучшие времена», до которых он откладывал свою мечту, так и не наступили.

Он никогда не готовил дома. Кухня использовалась как склад для пачек чипсов и банок с газировкой. Завтракал он всегда в одном и том же забегаловке «У Джо» по дороге к станции метро.

Утро в «У Джо» ничем не отличалось от предыдущих. Воздух пах жареным беконом, кофе и дезинфицирующим средством. За стойкой сидел сам Джо, мясистый игрунок с вечно недовольным выражением лица, и вытирал бокал.

— Обычное? — буркнул он, увидев Такера.

— Да, — кивнул тот, доставая кошелек.

— Гамбургер и кофе. Без сахара.

Он оставил пять долларов на стойке и, получив свой заказ на вынос, направился к туалету, находившемуся за дверью в дальнем конце зала. Ему нужно было хотя бы привести в порядок волосы.

Туалет был тесным и пыльным. Едкий запах хлорки смешивался с ароматом дешевого мыла. Такер поставил бумажный стаканчик с кофе на раковину и посмотрел в зеркало. Его отражение смотрело на него усталыми, потухшими глазами. «Интересно, тому парню из сна сегодня снился я?» — мелькнула абсурдная мысль.

Он открыл кран, ледяная вода брызнула ему на руки. Он смочил ладони и провел ими по волосам, пытаясь пригладить непослушный локон. Раз. Два.

На третьем движении его рука замерла в воздухе, в сантиметре от головы.

Такер почувствовал, как по его спине пробежал ледяной сквозняк. Он попытался опустить руку, но не смог. Мышцы не слушались, будто парализованные. Он хотел крикнуть, но не мог даже пошевелить языком. В глазах потемнело, в ушах зазвенело.

Он смотрел в зеркало. Его отражение начинало расплываться. Не так, как от паралича или обморока, а буквально. Контуры тела теряли четкость, становясь прозрачными, будто его затягивало в сияющий, переливающийся туман. Он видел, как его плечи, грудь, руки растворяются в этом облаке, которое излучало странный, мерцающий свет.

Это не было страшно. Это было необъяснимо. Его сознание, запертое в неподвижном теле, наблюдало за тем, как его физическая оболочка исчезает, уступая место чему-то иному. Ощущение было похоже на то, как будто его выдергивают из самого себя, как нитку из ткани. Мир вокруг — грязный туалет, запах хлорки, звук закипающего где-то кофе — начал

стремительно удаляться, сужаясь в тоннель, в конце которого оставалась лишь ослепительная белизна.

Последнее, что он успел подумать: «Значит, тот парень из сна… это и есть я…»

Сознание Тофера Марлоу, клерка из Нью-Йорка, отключилось.

— Джимми! — крикнул Джо, отрывая взгляд от телевизора, где утренний ведущий с деланным энтузиазмом рассказывал о чем-то. — Пойди глянь, что этот тип в туалете разбил. Стукнуло что-то.

Подросток-официант с неохотой оторвался от своего телефона и, нехотя поплевывая, направился к уборной. Он толкнул дверь.

— Эй, мужик, ты там чего?

В туалете никого не было. Никого. Дверь кабинки была распахнута. На раковине стоял нетронутый бумажный стаканчик с кофе. Вода из крана текла тонкой струйкой.

Джимми пошарил взглядом, ожидая увидеть осколки разбитой плитки или зеркала. Ничего. Он пожал плечами и вернулся к стойке.

— Там пусто.

— Пусто? — Джо нахмурился. — Не может быть. Он же только что зашел.

— Говорю же, никого. И ничего не разбито.

Джо вышел из-за стойки и сам заглянул в туалет. Маленькое помещение не таило в себе никаких тайн.

— Что за странный народ пошел? — проворчал он, возвращаясь на свое место. — Заказал и свалил, не попробовав. И как он умудрился улизнуть, меня не заметив?

В этот момент в кафе ввалилась шумная компания молодежи, видимо, гулявшая всю ночь. Вопрос о странном посетителе, исчезнувшем, не оплатив завтрак, мгновенно забылся.

— Где Марлоу? — грозный голос начальника отдела, мистера Хиггинса, прокатился по опенспейсу.

Секретарша Мелани беспомощно развела руками.

— Он не вышел на связь, мистер Хиггинс. Не отвечает на звонки и сообщения.

— Это уже второй день! У нас нет незаменимых людей! Позвоните ему и передайте, чтобы он даже не появлялся! Уволен! По статье!

К вечеру того же дня в коридоре офиса «Офис-Плюс» на собеседование на освободившуюся вакансию менеджера по закупке канцелярских товаров сидели два молодых парня и одна девушка. Их резюме лежали на столе у мистера Хиггинса.

Никто не подал заявление в полицию об исчезновении Такера Марлоу. Подавать было некому.

ГЛАВА 03

Рыбак с озера Танганьика

Деревня Нкамба, берег озера Танганьика.

Рассвет над озером Танганьика был делом великим и торжественным. Солнце, огромное и багровое, поднималось из-за сизой дымки танзанийских берегов, окрашивая воду в цвета расплавленного золота и меди. Воздух, еще прохладный, был наполнен запахами влажной земли, дыма от первых костров и свежести огромного, древнего как мир, водоема.

Джозеф вышел из своей хижины, сделанной из обожженной на солнце глины, которую когда-то сложил его отец. Он глубоко вдохнул, расправляя могучую грудную клетку. Его тело, темное и испещренное сетью морщин от солнца и лет, было живой картой тяжелого труда и простых радостей. Он потянулся, почувствовав, как под кожей играют крепкие, привыкшие к работе мышцы.

— Баба! — раздался звонкий голосок. К его ногам подбежала маленькая девочка, его младшая дочь Амина, и обхватила его за ноги.

Джозеф улыбнулся, поднял ее на руки и понес к озеру. Его жизнь не была легкой. Рыбалка, несколько чахлых грядок с маниокой, случайные подработки в соседнем поселке. Но она была полной и настоящей. У него была жена, пятеро детей, уважение односельчан. Он знал каждую тропинку в окрестных холмах, каждое капризное течение в озере, каждое дерево, дающее тень в полуденный зной. Он был частью этой земли, а земля — частью него.

Он спустил на воду свою долбленую пирогу, проверяя, надежно ли закреплены сети. Сегодня он заплыл дальше обычного. Вчерашний улов был скудным, а в долг у соседа он брать не хотел. Он направил лодку к скалистому мысу, где, по его приметам, должна была держаться крупная рыба.

Вода под лодкой была темно-синей, почти черной, и такой прозрачной, что на глубине виднелись причудливые тени подводных скал. Джозеф работал веслами ритмично, почти медитативно. Его мысли были просты и ясны: поймать рыбу, продать ее на рынке, купить Амине обещанное яркое платье, жене — новый кусок ткани, а остальное отдать на еду и школу для старших мальчиков.

Он достиг нужного места и начал закидывать сети. Работа была привычной, движения — отточенными. Солнце поднялось выше, стало припекать. Джозеф вытер пот со лба и пригубил воды из глиняного кувшина.

Именно в этот момент он это почувствовал. Не звук. Не вид. А ощущение. Ощущение, будто само озеро затаило дыхание. Птицы на берегу смолкли. Ветер стих. Даже солнце, казалось, перестало двигаться по небу. Вода вокруг его лодки стала абсолютно гладкой, как полированное черное стекло.

Сердце Джозефа забилось тревожно. Он огляделся. Ничего. Только вода, скалы и небо. Но древний, доставшийся от предков

инстинкт кричал об опасности. Он почувствовал, как по его спине пробежал ледяной холод, хотя день был знойным.

Он потянулся к веслам, чтобы грести обратно, к дому, к людям. Но его руки замерли в воздухе. Он не мог пошевелиться. Паника, дикая и слепая, застучала в его висках. Он пытался крикнуть, позвать на помощь духов озера, своих предков, но его горло было сжато невидимой рукой.

И тогда он увидел Туман.

Он поднимался из глубины озера. Не влажное испарение, а нечто иное — светящееся, плотное, переливающееся всеми цветами радуги, которых не бывает в природе. Он стелился по воде, окутывая его лодку сияющим коконом. Джозеф смотрел на это чудо широко раскрытыми глазами. В его сознании, воспитанном на легендах и вере в духов, не было страха перед неизвестным. Был священный трепет.

«Духи... Духи озера... — пронеслось в его голове. — Они пришли за мной. Я чем-то прогневал их? Или... они избрали меня?»

Туман сомкнулся над его головой. Он не чувствовал удушья. Наоборот, его наполняло странное ощущение легкости и покоя. Он видел, как его собственное тело начинает светиться изнутри, становится прозрачным. Последнее, что он видел, — это скалистый берег, деревню вдалеке и яркое африканское солнце, которое вдруг стало стремительно удаляться, словно его затягивало в длинный, сверкающий туннель.

Сознание Джозефа, рыбака с озера Танганьика, отключилось. Его последней мыслью была не жалоба, а вопрос: «Что хотят сказать мне великие духи?»

Вечером того же дня пирогу Джозефа прибило к берегу пустой. Сети были аккуратно свернуты, весла лежали на дне. Его кувшин с водой стоял нетронутым.

Односельчане искали его три дня. Прочесали берег, обошли все известные рыбные места. Старейшины деревни совершили обряд, призывая духов озера вернуть сына земли или открыть его судьбу.

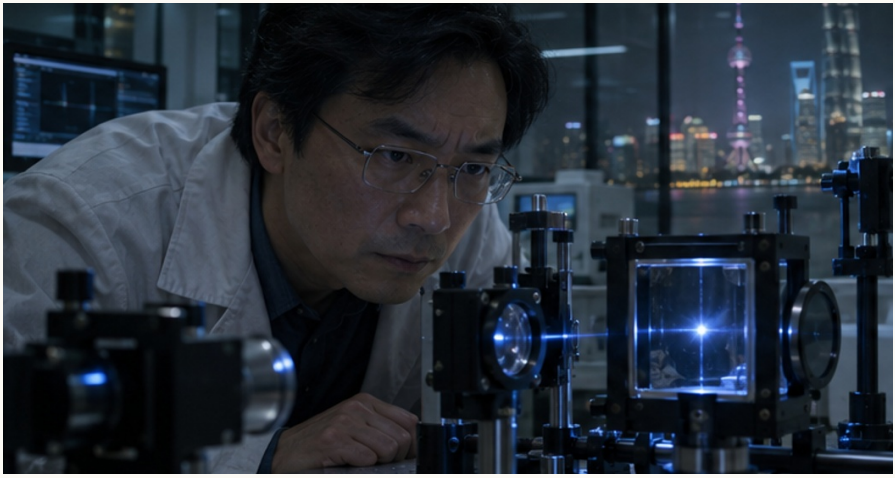
— Духи забрали его, — сказал на совете старый М’Беле, его лицо было похоже на высохшую от времени глину. — Они избрали Джозефа для чего-то важного. Не надо гневить их поисками.

Жена Джозефа плакала тихо, по-ночному. Дети смотрели на озеро большими, полными непонимания глазами. Жизнь в деревне Нкамба продолжалась. Иногда, глядя на озеро, кто-то из стариков говорил, что видит в бликах на воде сияющий туман. Но это, конечно, было просто игрой света.

Джозеф стал легендой. Еще одним духом великого озера.

ГЛАВА 04

Учёный из Шанхая

Шанхай, подземная лаборатория квантовых исследований.

Доктор Ли Вэй стоял перед панелью управления, уставленной мониторами, мигающими светодиодами и сложными графиками. Воздух в стерильно-белом помещении был насыщен низким гудением серверов и запахом озонированного воздуха. За стеклянной перегородкой, в главной камере, находилось сердце эксперимента — установка «Цюаньсинь» («Вся вселенная»): два алмазных кристалла, охлажденных до температуры, бесконечно близкой к абсолютному нулю. Между ними парил в магнитной ловушке единственный атом стронция.

Ли был одним из ведущих специалистов в области квантовой запутанности. Его узкие, умные глаза, казалось, видели не просто экраны с данными, а саму ткань реальности, скрытую за ними. В отличие от Такера, он не оставил свою мечту. Он жил ею. Но чем глубже он погружался в квантовый мир, тем больше понимал, насколько он странен и нелогичен.

«Если что-либо произошло один раз, то оно произойдет и второй. Дело только времени», — вспомнил он чье-то изречение. Закон Повторов, — мысленно назвал он это. В квантовой механике это было нормой. Частица могла находиться в двух местах одновременно, и это не было теорией — это был наблюдаемый факт.

Сегодняшний эксперимент был самым амбициозным. Они пытались не просто запутать два атома, а создать кратковременный, контролируемый разрыв в локальности — микроскопическую «червоточину», через которую можно было бы передать квантовое состояние. Теория допускала такую возможность. Практика была на грани фантастики.

— Параметры в норме, — доложил его ассистент с другого конца комнаты. — Когерентность стабильна. Готовы к импульсу.

Ли кивнул, его пальцы замерли над клавиатурой.

— Запускаем протокол «Синь мэнь» («Новая дверь»). Начинаем отсчет. Пять... четыре...

Он не чувствовал волнения. Лишь холодную, сфокусированную концентрацию. Это был всего лишь еще один шаг в бесконечном процессе познания.

— ...три... два... один... Импульс.

Он нажал клавишу. На экранах графики взметнулись к верхним границам шкалы. Магнитные поля внутри камеры закрутились в бешеном танце. Атом стронция в ловушке исчез. Не разрушился, не переместился — именно исчез. Данные с датчиков показывали всплеск энергии неизвестной природы.

И в этот самый момент Ли Вэй почувствовал нечто странное. Не боль, не страх. А... изменение. Как будто все законы физики в непосредственной близости от него перестали работать. Он попытался повернуть голову, чтобы посмотреть на ассистента,

но не смог. Его тело перестало подчиняться. Он был заперт в неподвижной позе, как насекомое в янтаре.

Его научный ум лихорадочно искал объяснение. Катионный дисбаланс? Внезапная нейрологическая блокада? Воздействие сильного магнитного поля?

Но то, что он увидел дальше, не поддавалось никаким известным ему научным парадигмам. Воздух вокруг него начал светиться. Не ярким светом, а мягким, переливающимся сиянием, исходящим из самой пустоты. Он видел, как контуры его рук на клавиатуре начали терять четкость, становясь полупрозрачными.

«Эффект наблюдателя, — промелькнула в его голове безумная мысль. — Но в обратную сторону. Не я наблюдаю частицу... а кто-то наблюдает меня. И его наблюдение... коллапсирует мою волновую функцию».

Это было самое логичное, что он мог придумать. Его рациональное сознание отчаянно цеплялось за знакомые термины, пытаясь описать неописуемое. Он не растворялся в тумане, как Сергей или Джозеф. Его реальность буквально переписывалась. Он чувствовал, как его атомы, его молекулы, его самая суть перестают быть частью этой вселенной и переходят в иную фазу существования.

Он видел, как лаборатория, мониторы, испуганное лицо ассистента — все начало расплываться, терять цвет и форму, превращаясь в абстрактную акварельную картину, которую кто-то смывает водой. Последнее, что зафиксировал его мозг, — это показания на главном мониторе. Уровень энтропии в камере упал до нуля. А затем и сам экран растворился в нарастающем море белого света.

Сознание доктора Ли Вэя, человека науки, отключилось, потерпев окончательное и сокрушительное поражение перед

лицом реальности, которая оказалась гораздо страннее, чем он мог предположить.

Ассистент, молодой парень по имени Чэнь, в панике отпрянул от своего терминала. В тот момент, когда доктор Ли нажал кнопку, он увидел, как фигура его начальника окуталась ослепительным сиянием. Свет был таким ярким, что Чэню пришлось зажмуриться. Когда он снова открыл глаза, кресло доктора Ли было пустым.

На панели управления мигали аварийные сигналы. Данные эксперимента были бессмысленным набором чисел. Атом стронция так и не вернулся в ловушку.

Чэнь поднял тревогу. Лабораторию закрыли. Данные засекретили. Официальное заключение гласило: «Несчастный случай в результате неконтролируемого выброса энергии. Тело доктора Ли Вэя не обнаружено».

Среди узкого круга посвященных поползли слухи. Не о несчастном случае. О прорыве. О том, что Ли Вэй не погиб. Он… перешел. Куда? Этого не знал никто.

ГЛАВА 05

Мать и дитя

Где-то на Ближнем Востоке.

Воздух был густым и едким, пах пылью, гарью и страхом. Аиша прижала к себе дочь, стараясь дышать ровно и спокойно, чтобы Маша не чувствовала ее ужаса. Они сидели на полу в полуразрушенном доме, в комнате, где уцелела лишь одна стена, да и та была испещрена оспинами от пуль и осколков. Снаружи доносились приглушенные взрывы, треск автоматных очередей и далекие крики. Война была не где-то там. Она была здесь, за дверью, за окном без стекол, в самом воздухе, который они вдыхали.

— Мама, я боюсь, — прошептала девочка, зарываясь лицом в мамину абайю.

— Я знаю, солнышко, я знаю, — тихо ответила Аиша, гладя ее по волосам. — Но мы вместе. Мы всегда вместе.

Она смотрела на лицо дочери — бледное, испуганное, с огромными темными глазами, в которых отражалось зарево горящего города. Война отняла у них все: дом, мужа и отца, покой, будущее. Осталась только эта хрупкая, дрожащая жизнь

в ее объятиях и инстинктивное желание защитить ее любой ценой.

Она молилась. Не о спасении, не о чуде. Она молила лишь об одном — чтобы ее дочь не страдала. Чтобы ее маленькое сердце не разорвалось от страха. Чтобы следующий снаряд, следующий выстрел, если уж им суждено прийти, нашли ее, Аишу, а не Машу.

Внезапно грохот стал ближе. Оглушительный. Свист падающего снаряда пронзил воздух, нарастая до невыносимого визга. Это был их дом. Аиша инстинктивно накрыла дочь своим телом, прижав ее к холодному каменному полу, зажмурив глаза в ожидании неминуемого конца.

Но удара не последовало.

Наступила тишина. Абсолютная, оглушающая. Ни взрыва, ни треска рушащихся стен, ни боли. Тишина, какой не бывает в городе, даже в самом спокойном его уголке. Это была тишина вакуума, тишина небытия.

Аиша осторожно открыла глаза. И не поверила им.

Комната... исчезла. Вернее, она все еще была там, но стала прозрачной, как призрак. Стены светились изнутри мягким, ровным светом, сквозь них были видны очертания улицы, руин, но все это было размыто, нереально, как мираж. Звуки войны стихли. Не стало слышно даже их собственного дыхания.

Маша перестала плакать. Она смотрела вокруг широко раскрытыми глазами, полными не страха, а изумления.

— Мама, что это? — ее голосок прозвучал странно громко в этой новой тишине.

Аиша не успела ответить. Из ничего, из самой пустоты в центре комнаты, начал формироваться Туман. Но это не был дым или пар. Это было сияние. Живое, дышащее, переливающееся неземными цветами. Он был красивым. Ужасно красивым.

Он медленно плыл к ним, не вызывая страха, а лишь благоговейный трепет. Аиша, все еще прижимая к себе дочь,

почувствовала, как ее тело немеет. Но это не был паралич от ужаса. Это было ощущение мира и покоя, такого глубокого, какого она не знала с самого детства. Это было похоже на объятия самой вечности.

«Ангелы...» — пронеслось в ее голове. В ее вере, в ее культуре, были истории о посланниках Всевышнего, забирающих праведников в момент смерти. Разве этот сияющий, беззвучный, прекрасный гость не похож на ангела?

Туман окутал их. Аиша не чувствовала ни удушья, ни холода. Лишь невесомость и безграничную, всепоглощающую любовь, исходящую от этого света. Она видела, как руки, обнимающие ее дочь, начинают светиться, становятся прозрачными. Маша не кричала. Она смотрела на сияние с доверчивым любопытством, какое бывает только у детей.

«Спасибо», — подумала Аиша, обращаясь к силе, что пришла за ними. Она была уверена — это избавление. Избавление от войны, от страха, от боли.

Сознание Аиши и Маши отключилось, унося их из ада войны в объятия необъяснимого, сияющего покоя.

Снаряд разорвался в пустом доме. Стена, за которой они прятались, рухнула, погребя под обломками лишь пыль и воспоминания.

Соседи, слышавшие свист и ждавшие самого страшного, позже говорили, что видели странную вспышку света в том доме за мгновение до взрыва. Яркую, но беззвучную. Они решили, что это была какая-то новая бомба. Или мираж, порожденный страхом.

Никто не искал Аишу и Машу. Война пожирала людей без остатка и без счету. Они просто пополнили длинный список пропавших без вести. Еще две души, унесенные пылающим ветром войны.

ГЛАВА 06

Студентка из Осло

Осло, Университетская библиотека «Софи».

Тишина в читальном зале была особого свойства — не мертвой, а насыщенной, густой, как мед. Она состояла из шелеста страниц, скрипа стульев, приглушенного дыхания и гула мысли. Ингер Хольм сидела за одним из дубовых столов, уткнувшись в раритетный фолиант — «Энциклопедию относительного и абсолютного знания» за авторством некоего Эдмонда Уэллса. Книгу она нашла в отделе редких изданий почти случайно, и теперь она не могла оторваться.

Ее длинные светлые волосы были собраны в небрежный пучок, сквозь который пробивались непослушные пряди. За стеклами очков умные, внимательные глаза быстро пробегали по строчкам, впитывая парадоксальные, безумные и гениальные идеи.

«Чтобы поймать рыбу, не надо плавать в воде вместе с ней, а нужно забрасывать крючок снаружи», — прочла она и

задумалась. Надо быть ВНЕ СМИ, чтобы уметь управлять ими… ВНЕ системы, чтобы понять ее… ВНЕ времени…

Она изучала теоретическую физику, но ее манила не столько математика, сколько философия, стоящая за законами мироздания. Она чувствовала, что современная наука подошла к какому-то барьеру, за которым открывается нечто, не укладывающееся в привычные формулы.

Она перелистнула страницу и наткнулась на главу о восприятии.

«Человек улавливает узкий спектр волн, но ведь мир этим спектром не ограничивается. Существуют измерения, которые мы просто не можем видеть, слышать или чувствовать, но от этого они не становятся менее реальными. Нужен лишь прибор, способный расширить границы наших органов чувств».

«Прибор…» — мысленно повторила Ингер. Она откинулась на спинку стула, сняла очки и протерла глаза. Было уже поздно, библиотека скоро должна была закрыться. За высокими витражными окнами спускались сумерки, окрашивая небо Осло в сиреневые тона.

И тут ее взгляд упал на старинное зеркало в позолоченной раме, висевшее напротив. Оно было частью интерьера и, как все здесь, дышало историей. Но сейчас в его глубине что-то изменилось. Ее собственное отражение казалось размытым, нечетким. И за ним, сквозь него, ей почудилось другое пространство — бесконечное, залитое ровным белым светом.

Она нахмурилась, снова надела очки. Отражение прояснилось. «Показалось, — решила она. — Устала».

Она снова посмотрела в зеркало. И застыла.

Ее отражение не повторяло ее движений. Оно смотрело на нее. Прямо, пристально и безразлично. И его глаза… они были не ее

глазами. В них была бездна спокойствия и знания, нечеловеческого, древнего.

Паники не было. Был шок. Шок исследователя, столкнувшегося с аномалией, существование которой он лишь предполагал. Ее научный ум лихорадочно работал: «Оптическая иллюзия? Масс-гипноз? Или... прибор? Тот самый прибор, расширяющий границы восприятия?»

Она медленно поднялась из-за стола, не отрывая взгляда от зеркала. Ее отражение тоже поднялось. Но его движения были плавными, словно замедленными. Ингер сделала шаг вперед. Отражение осталось на месте.

И тогда пространство между ней и зеркалом начало меняться. Воздух заструился, заколебался, как над раскаленным асфальтом. Он сгущался, превращаясь в то самое сияющее, переливающееся облако, что видели другие. Оно было беззвучным и прекрасным.

Ингер почувствовала, как ее тело охватывает приятная слабость. Она не сопротивлялась. Это было то, чего она бессознательно искала всю свою жизнь — доказательство. Доказательство того, что реальность гораздо сложнее, многограннее и удивительнее, чем кажется.

«Все не то, чем кажется, и не наоборот», — вспомнила она афоризм из книги.

Туман окутал ее. Она видела, как ее руки, ее тело становятся прозрачными, растворяются в этом свете. Она не чувствовала страха. Лишь жгучее любопытство и предвкушение открытия. Куда она попадет? Что она увидит? Какие законы мироздания ей откроются?

Последнее, что она увидела перед тем, как ее сознание отключилось, было ее собственное отражение в зеркале, которое наконец улыбнулось ей — мудрой, древней улыбкой.

Дежурный библиотекарь, обходя залы перед закрытием, нашел на столе Ингер Хольм открытую старую книгу, ее очки и сумку. Девушки нигде не было. Полиция установила, что она не выходила через главный вход. Пропала без вести.

«Энциклопедию относительного и абсолютного знания» вернули в отдел редких изданий. На ее страницах не осталось и следа от прикосновений студентки, которая слишком близко подошла к разгадке тайн, к которым человечество еще не было готово.

ГЛАВА 07

Белая комната

Сознание возвращалось к Сергею медленно, нехотя, как сквозь толщу плотного, вязкого меда. Первым пришло ощущение поверхности под спиной — абсолютно ровной, чуть прохладной, но не холодной. Потом — свет. Он был везде. Ровный, рассеянный, без источника, без теней. Он не слепил, но и не позволял держать глаза полностью открытыми.

Сергей застонал и приподнялся на локтях. Он лежал на низкой, плоской кушетке, сливавшейся с полом. Вся комната — если это была комната — состояла из этой белизны. Ни окон, ни дверей, ни углов. Потолок плавно переходил в стены, стены — в пол. Это было похоже на гигантскую, бесконечную сферу, залитую молочным светом.

«Где я?» — первая мысль была простой и животной. Память возвращалась обрывками: церковь, подвал, фреска… леденящий туман… Он потрогал свою голень — на месте была свежая, но уже затянувшаяся тонкой розовой пленкой царапина. Та самая. Значит, это не сон.

Но рука, которой он коснулся голени, была взрослой. На пальце осталась полоска чернил: утром он записывал лабораторную работу в тетрадь. Сергей помнил это утро в 2024-м. И так же отчётливо, словно между ними не было двенадцати лет, он помнил последний свет фонарика в подвале.

Вернуться домой после того случая у церкви он, оказывается, сумел. Мать много лет повторяла, что он сидел на крыльце, когда она вернулась с поисков. Сам он помнил лишь утро следующего дня. Теперь пропущенная ночь проступала поверх настоящего, а старая царапина снова стала свежей.

Его взгляд упал на другие такие же плоские кушетки. На них лежали люди. Шестеро. Они начали шевелиться, приходить в себя.

Первым полностью очнулся темнокожий мужчина. Он сел, огляделся с невозмутимым, почти отрешенным спокойствием. Его звали Джозеф.

— Наверное, я в больнице, — сказал он на своем языке, но Сергей понял его. Понял абсолютно четко, как если бы это был родной русский.

— Это не больница, — хрипло проговорил Такер, потирая виски. Его костюм был помят, а в глазах стояла паника городского жителя, столкнувшегося с полным крахом логики. — Где тут двери? Окна?

— Где окна?! Где двери?! Что происходит?! Как мы здесь очутились?! — это закричала Ингер. Ее рациональное сознание, только что готовое принять необъяснимое как данность, теперь, столкнувшись с физической реальностью этой комнаты, дало сбой. Истерика была формой защиты.

— Успокойтесь, — тихо, но твердо сказала Аиша, прижимая к себе Машу. Девочка молча, большими глазами впитывала безумие происходящего. — Должно быть, мы отравились каким-то газом и нас поместили в изолятор. Карантин.

— А может, нас снимают в реалити-шоу, — прошептала Маша, обращаясь к матери. — И сейчас нас показывают по телевизору.

— Не похоже, — возразил Ли. Он уже стоял на ногах, изучая стены тактильно, проводя ладонью по идеально гладкой поверхности. — Разве могут так, без нашего согласия, нас похитить для какого-то шоу? Это противоречит всем юридическим и этическим нормам. И потом... — Он обвел взглядом всех. — Мы все здесь из разных мест. Я из Шанхая.

— Я из Нью-Йорка, — сказал Такер.

— Россия, деревня Светлая, — представился Сергей.

— Деревня Нкамба, озеро Танганьика, — сказал Джозеф.

— Осло, — выдохнула Ингер, понемногу успокаиваясь.

— А мы... мы из страны, где идет война, — тихо добавила Аиша.

Они замолчали, осознавая масштаб абсурда. Семеро человек из разных уголков планеты, говорящие на разных языках, но понимающие друг друга без малейшего усилия. Оказались в идеально белой, пустой комнате без видимого входа и выхода.

— Ладно, — вздохнул Такер, первым оправившись от шока. — Стандартный протокол в непонятной ситуации. Нужно понять, где мы, кто мы, и что делать дальше. Представимся. Я Такер. Менеджер.

— Джозеф. Рыбак.

— Ли. Ученый.

— Сергей. Студент.

— Аиша. А это моя дочь, Маша.

— Ингер. Студентка. Физика.

Они говорили, спорили, выдвигали теории. Прошло несколько часов. Или минут? Времени здесь не существовало. Не было

голода, не было жажды, не было усталости. Но была странная, накатывающая волнами сонливость.

Она пришла на всех одновременно. Сначала Джозеф бессильно опустился на свою кушетку, затем Ли, прервав свой анализ акустических свойств комнаты. Ингер зевнула, Аиша прилегла рядом с Машей. Такер и Сергей почувствовали, как веки наливаются свинцом.

Они не боролись с этим. Это было так же естественно, как дыхание. Один за другим они погрузились в глубокий сон, в то самое «небытие», о котором говорил Сергей.

А комната, белая и безмолвная, продолжала существовать вокруг них, как гигантская, стерильная утроба, хранящая свою тайну и своих невольных обитателей.

ГЛАВА 08

Отметины времени

Сон был бездонным колодцем, из которого их вытащили одновременно. Очнулись они все в один момент, словно по незримой команде. Не было постепенного пробуждения — сознание щелкнуло, как выключатель, и они снова лежали на своих белых ложах в безмолвной белизне.

Первым нарушил тишину Такер. Он сел, потянулся и замер, уставившись на свою левую ладонь.

— Странно... — пробормотал он.

— Что такое? — спросил Сергей, чувствуя легкое головокружение.

— У меня никогда не было этого шрама, — Такер показал им ладонь. Над линией жизни четко виднелся небольшой, белый, старый шрам. — Я помню, в детстве чуть не проткнул руку гвоздем, но мать успела отдернуть. Шрама не осталось. А тут... он есть.

Это стало сигналом. Лихорадочно, каждый начал осматривать себя.

— У меня... родинка, — тихо сказала Аиша, касаясь пальцем виска. — Ровно такая же, как была у моей бабушки. Ее нет на моих старых фотографиях.

Джозеф с удивлением разглядывал свое предплечье. На смуглой коже проступал бледный, едва заметный узор, напоминающий ритуальные татуировки его далеких предков, которых он видел лишь в книге.

— Смотри! — воскликнула Маша, показывая на шею Ингер. Там, у ключицы, красовалось маленькое, изящное пятнышко в форме звезды.

Ингер дотронулась до него, глаза ее округлились от изумления.

— Этого... этого никогда не было. Я бы помнила.

Все взгляды медленно повернулись к Сергею. Он уже сидел, закатав штанину. Все увидели свежую, розовую царапину на его голени.

— Это я... когда в подвал спускался, — тихо сказал он, глядя на след, которого в его реальности еще не должно было быть. — Это было двенадцать лет назад.

В комнате повисла гробовая тишина. Теория карантина, реалити-шоу, даже похищение инопланетянами — все это рассыпалось в прах перед этим простым, необъяснимым фактом. Их тела менялись. На них проявлялись отметины из их собственного прошлого, из прошлого их предков, а возможно, и из... будущего.

— Время, — первым нарушил молчание Ли. Его научный ум, отбросив шок, с жадностью ухватился за загадку. — Оно здесь течет нелинейно. Или... оно воздействует на нас не так, как мы привыкли. Эти шрамы, родинки... это не раны. Это... швы. Следы сшивания нашей личной временной линии с чем-то другим.

— Сшивания? — переспросил Такер с недоверием.

— Представьте нашу жизнь как кинопленку, — объяснил Ли, его глаза горели. — Кадр за кадром, от рождения до смерти. А здесь... здесь кто-то взял эту пленку, разрезал ее и склеил в другом порядке. Или, может быть, сплел несколько разных пленок в одну. Эти отметины — места склеек.

— Духи... — вдруг сказал Джозеф. Все посмотрели на него. — В моей деревне говорят, что великие духи могут путешествовать между мирами и временами. Они забирают тех, кто им нужен, для великих дел. Может, они выбрали нас?

— А я читала, — вступила Ингер, все еще касаясь своей новой «звездочки», — что торсионные поля, гипотетические поля кручения, могут влиять на ход времени и переносить информацию… и, возможно, материю. Что если эта комната — своего рода машина, стабилизирующая нас во временном потоке, а эти отметины — побочный эффект?

— То есть мы… мы в ловушке вне времени? — голос Такера дрогнул.

— Не в ловушке, — тихо, но четко произнес Сергей. Он смотрел на свою царапину, и в его памяти всплыла фреска из подвала. Три существа. Свет и тьма. — Нас не просто забрали. Нас… собрали. Как детали. Для чего-то.

Он поднял взгляд и обвел им своих спутников — африканского рыбака, американского клерка, китайского ученого, арабскую женщину с ребенком, скандинавскую студентку. Случайный набор? Или тщательно подобранные элементы некоего пазла?

— Для чего? — спросила Аиша, обнимая Машу.

Сергей покачал головой.

— Не знаю. Но на той фреске… там было трое. Двое вроде нас, и один… другой. Может, мы здесь не одни.

Он посмотрел на белую, безликую стену. И ему показалось, что она на мгновение дрогнула, став чуть более прозрачной, и в ее глубине на миг мелькнуло что-то огромное, сияющее и безмолвное.

ГЛАВА 09

Первый контакт

Напряжение в Белой комнате достигло точки кипения. После обнаружения «отметин времени» тишина стала давящей, звенящей. Каждая минута (если здесь вообще были минусы) тянулась мучительно долго. Они сидели на своих ложах, потерянные в тревожных размышлениях, когда это наконец произошло.

Стена напротив них… растворилась. Не отъехала, не раскололась. Она просто перестала быть твердой, превратившись в сияющий, переливающийся проем. И из этого проема в комнату вплыло Оно.

Существо, если это можно было так назвать, было облаком. Сияющим, полупрозрачным облаком, излучавшим ровный, мягкий свет. Оно не имело ни глаз, ни рта, ни конечностей. Оно просто было — безмолвное, величественное и совершенно чуждое.

Паника была мгновенной и всеобщей. Маша вскрикнула и спрятала лицо в платье Аиши. Ингер отпрянула, издав

сдавленный звук. Даже невозмутимый Джозеф застыл, его глаза расширились от изумления и суеверного ужаса.

И тут в сознании каждого из них, прямо в мозгу, вспыхнул голос. Он не был звуком. Это была чистая информация, мысль, облеченная в слова, которые они понимали.

«Мы – Кс. Вы можете называть нас Духами.»

Голос был спокойным, без эмоций, как голос диктора, зачитывающего сводку погоды. Но за его безличностью чувствовалась колоссальная, непостижимая мощь.

«Мы принесли вам ни вред, ни благо. Мы принесли вам возможность.»

— Что вы с нами сделали?! — крикнула Ингер, ее голос дрожал от смеси страха и ярости. — Где мы?!

«Мы расширили границы вашего восприятия. Ваш мозг улавливает узкий спектр реальности. Но мир им не ограничен. Существуют измерения, которые вы не можете видеть, слышать или чувствовать. Мы дали вам "прибор" – возможность понимать.»

— Зачем? — спросил Сергей. Он не кричал. Его голос был тихим, но твердым. Он смотрел на сияющее облако, и в его памяти снова всплыла фреска. Светлый силуэт. Дух?

Облако слегка колыхалось, словно в такт его мыслям.

«Идет война. Война, которую вы не видите. Ваше Солнце будет уничтожено.»

В комнате повисло ошеломленное молчание. Слова были настолько чудовищны, что мозг отказывался их воспринимать.

— Уничтожено? Кем? — нашел в себе силы спросить Ли.

«Те, кого вы могли бы назвать Тенями. Они – наша противоположность. Наша... ошибка. Они питаются энергией звезд. И они приближаются к вашему Солнцу.»

— Почему вы не остановите их?! — вскричал Такер. — Вы же… вы же могущественны!

«Мы следуем принципу "НЕ НАВРЕДИ". Прямое вмешательство… противоречит нашей природе. Нам нужен посредник. Темпус. Странник времени. Один из вас.»

Слова висели в воздухе, наполненные невероятным смыслом.

«Закон Относительности гласит: "Двигаясь вперед в прошлое, вы возвращаетесь назад". Вы все – ключи к разным временным виткам. Но только один сможет повернуть этот ключ.»

Сияющее облако начало медленно отступать к стене.

«Отбор уже начался. Готовьтесь.»

Стена снова стала белой и твердой. Существо исчезло так же беззвучно, как и появилось.

Семеро людей стояли в гробовой тишине, пытаясь осмыслить услышанное. Война в космосе. Гибель Солнца. Тени. Духи. И они… ключи? Посредники?

Джозеф первый нарушил молчание. Он медленно опустился на колени и склонил голову.

— Великие духи… — прошептал он. — Они говорят правду.

Ингер, бледная как полотно, смотрела в пустоту.

— Солнце… — было все, что она могла выговорить.

Маша тихо заплакала. Аиша прижала ее к себе, ее собственное сердце бешено колотилось.

Сергей смотрел на то место, где только что было сияющее существо. Он не чувствовал страха. Сквозь шок и непонимание пробивалось странное, холодное чувство ответственности. Темпус. Странник времени.

Он посмотрел на остальных — на испуганные, растерянные лица. Они были пешками в игре, масштабов которой не могли постичь. Но один из них должен был стать игроком.

«Отбор уже начался», — эхом отозвалось в его памяти.

Он не знал, что это значит. Но он знал, что это не закончится быстро. И, возможно, не закончится хорошо.

ГЛАВА 10

Хроники Вселенной

На этот раз стена растворилась не для появления одного Духа. Вместо этого вся комната исчезла. Один миг они стояли на белой, твердой поверхности, а в следующий — парили в абсолютной пустоте, в центре вращающейся спирали из звезд, туманностей и галактик. Это был не голографический проект. Они чувствовали холод вакуума и тепло далеких солнц на коже, слышали беззвучную симфонию гравитационных волн.

Голос Духа зазвучал в их сознании, и теперь он казался голосом самой Вселенной.

«Вы спрашивали "почему". Чтобы понять, вы должны знать "кто". Война, о которой мы говорили, длится дольше, чем существует ваша планета. Это война между фундаментальными принципами существования.»

Звездное поле перед ними сфокусировалось, и они увидели сияющее, переливающееся облако, знакомое им по Белой комнате.

«Мы – Кс. Духи. Миллионы лет назад мы, как и вы, имели физические тела. Но эволюция и технология позволили нам от них отказаться, сохранив лишь квинтэссенцию разума. Мы – мысль, ставшая энергией. Наш принцип – "НЕ НАВРЕДИ". Мы существуем в симбиозе со Вселенной, питаясь ее фоновой энергией, не нарушая баланса.»

Картина сменилась. Они увидели мрачную, беззвездную область пространства. Из ее глубины выползали черные, бесформенные тени, поглощающие свет ближайших звезд. При их приближении звезды не взрывались — они просто гасли, как свечи на ветру.

«Это – Тени. Они произошли от нас в результате Великого Раскола. Они избрали иной путь – путь поглощения. Они пожирают энергию, чтобы поддерживать свое существование. В первую очередь – психическую энергию живых существ, но в конечном счете – любую. Звезды для них – лишь более мощный источник. Их цель – превратить Вселенную в холодную, безжизненную пустоту, в вечную ночь.»

Сцена снова переменилась. Теперь они увидели планету, похожую на гигантский, потрескавшийся камень. В ее глубинах, в пещерах, освещенных тусклым грибным светом, копошились существа. Шестилапые, с телами варанов и головами, напоминающими обезьяньи. Они строили примитивные машины, добывали руду.

«Ксилы. Искусственная раса, созданная Тенями как рабы для работы в агрессивных средах. Их приспособили к выживанию в недрах планет и на окраинах звездных систем. Но они обрели самосознание. Они сбросили оковы и теперь борются за выживание, скрываясь от своих бывших хозяев.»

— Как... как все это связано с нами? — с трудом выговорил Ли, его ученое сердце замирало от восторга и ужаса перед открывающейся картиной.

«Связь прямая. Тени приближаются к вашей Солнечной системе. Расчеты показывают, что точка невозврата будет достигнута в ближайшие столетия по вашему летоисчислению. Мы не можем остановить их, не нарушив наш главный закон. Но мы можем подготовить вас. Дать вам шанс.»

— Шанс? — с горькой усмешкой переспросил Такер. — Вы только что показали нам существ, которые гасят звезды! А мы что? Мы… клерки, рыбаки, студенты! Что мы можем сделать?

«Вы – не просто люди. Вы – представители уникального вида, обладающего одним критически важным качеством – гибкостью. Вы способны изменяться, адаптироваться, учиться с невероятной скоростью. Кроме того…»

Звездное поле исчезло, и их взорам предстала… Земля. Но не такая, какой они ее знали. Континенты были расположены иначе. По небу летали гигантские, сияющие существа, а в небесах парили города из хрусталя и света.

«…ваша раса уже сталкивалась с подобными угрозами. И не раз. Цикл повторяется. Атлантида, Лемурия… они не мифы. Это были предыдущие витки вашей цивилизации, достигшие высоких технологий, но не сумевшие ими правильно распорядиться. Они пали, и знание было утеряно. Мы помогали им. Безуспешно. Сейчас – новый виток. Последний перед финальной конфронтацией.»

Картина снова сменилась. Теперь они увидели мрачное, холодное будущее. Земля была покрыта ледниками. Солнце на небе было маленьким и тусклым, темно-красным. Над планетой кружили корабли, похожие на мертвых насекомых.

«Это – ваше будущее, если ничего не изменить. 2870 год по вашему летоисчислению. Солнце погашено. Оставшееся человечество, изменившееся до неузнаваемости, ведет отчаянную, проигрышную войну на истощение. Они – ваши потомки. И они тоже являются частью этого уравнения.»

Вернулась белизна Комнаты. Они снова стояли на твердой поверхности. Но мир вокруг них уже никогда не будет прежним.

Голос Духа прозвучал финальным аккордом:

«Теперь вы знаете игроков. Вы знаете ставки. Следующим этапом будет испытание. Мы должны определить, кто из вас обладает необходимой гибкостью ума, чтобы стать Темпусом – тем, кто сможет ходить по спирали времени и найти выход из этого тупика.»

«Приготовьтесь. Испытание начнется скоро.»

ГЛАВА 11

Испытание. Теория хаоса

Ощущение было таким, будто их мозги вынули из черепов, подключили к какому-то космическому компьютеру и бросили в открытый космос. Одна секунда — они стояли в Белой комнате, следующая — их сознание парило в пустоте перед гигантским, хрупким на вид кораблем, напоминавшим стрекозу из хрусталя и света.

«Это корабль-колонист "Надежда". Он бежит из системы, которую поглотили Тени. Проследите за его судьбой.»

Голос Духа был безразличным, как диктор, объявляющий погоду перед апокалипсисом.

И они увидели. Они увидели, как «Надежда», готовясь к прыжку через подпространство, вдруг замерла. С ее корпуса, словно чернильная клякса на акварели, начало расползаться черное пятно. Оно было не просто темным — оно было отсутствием. Отсутствием света, энергии, самой реальности. Огни корабля гасли один за другим. Сначала погасла яркая дюза двигателя, затем, как новогодняя гирлянда, в которую

выдернули штекер, погасли иллюнаторы. Последним исчез слабый свет из окон мостика. Тишина. Корабль превратился в безжизненный саркофаг, дрейфующий в пустоте.

«Это произойдет через 4 часа его бортового времени. Ваша задача – предотвратить это.»

Пространство сжалось, и их сознание перенеслось на борт «Надежды». Они были призраками, невидимыми и неслышимыми. Они чувствовали спешку экипажа, слышали их голоса, видели данные на мониторах. Четыре часа до гибели.

— Надо изменить курс! — мысленно крикнул Ли, его аналитический ум уже строил траектории. — Увести их от точки засады!

И тут же на мостике замигал аварийный сигнал. Компьютер показал новую, «оптимальную» траекторию, которая вела прямиком в пояс астероидов. Паника.

— Нет, нужно усилить щиты! — возразил Джозеф, его инстинкт защитника требовал укрепить оборону.

Энергетические щиты корабля вспыхнули ярким светом и тут же погасли, вызвав перегрузку в энергосети. Половина отсеков погрузилась во тьму.

— Предупредить их! Сказать о Тенях! — в отчаянии вскричала Ингер.

На мостике кто-то из офицеров вдруг закричал, уставившись в пустой экран: «Тени! Они здесь!» Началась всеобщая истерика, экипаж потерял управление.

Каждое их мысленное вмешательство, каждая попытка помочь — лишь усугубляла ситуацию, приближая катастрофу. Теория Хаоса в действии. Малейшее влияние — неконтролируемые последствия.

Такер просто смотрел на это в ужасе, его воля была парализована. Аиша молилась, прижимая к груди призрачный образ Маши.

Сергей молчал. Он наблюдал. Он видел не просто корабль и экипаж. Он видел закономерность. Тени нападали на двигатель первыми. Всегда. Это была их тактика — обездвижить жертву. Они были хищниками, действующими по шаблону. Он вспомнил фреску в церкви. Светлый силуэт, закрывающий человека. Не атакуя темного, а защищая. Он вспомнил афоризм: «Все не то, чем кажется, и не наоборот».

И тут его осенило. Они не могут спасти «Надежду» в этой временной линии. Катастрофа уже произошла. Это запись. Призрак. Но Духи сказали: «Теория Хаоса… на начальном этапе события кажутся случайными, но постепенно проявляется связь».

Связь была в нем самом. В его восприятии.

Он мысленно отключился от хаоса на мостике и сфокусировался на Тенях. Он не видел их как врагов. Он попытался увидеть их… как часть системы. Как силу природы. Холодную, безжалостную, но предсказуемую.

— Не бороться, — тихо, но четко произнес он в пространство своего сознания. — Нельзя бороться с ураганом. Но можно… подставить ему другую цель.

Он представил себе не щит, не оружие. Он представил приманку. Огромный, сверкающий сгусток чистой, психической энергии — то, что Тени не смогут проигнорировать. Мысль была мгновенно воспринята Духами.

На мониторах «Надежды» появилось ложное целеуказание — сигнал «корабля-призрака» с колоссальными энергопоказателями, исходящий в стороне от их курса. В тот же миг капитан, его разум необъяснимо прояснившись, отдал приказ: «Отключить все второстепенные системы! Глушить

излучение! Готовить тихий, малозаметный прыжок по резервной координате!»

«Надежда» выпустила в пустоту ослепительный шар энергии — «приманку». И в тот момент, когда Тени, как пираньи, набросились на него, корабль, почти обесточенный и невидимый, дрогнул и исчез в ином направлении, совершив спасительный прыжок.

Тишина. Они снова были в Белой комнате. Семеро людей, тяжело дыша, смотрели друг на друга, на лбу у каждого выступил холодный пот.

Голос Духа прозвучал финально и бесповоротно:

«Отбор завершен. Темпусом будет Сергей.»

Прежде чем кто-либо успел что-то сказать или понять, шестеро спутников Сергея замерли. Их взгляды стали пустыми, стеклянными. Все напряжение, все воспоминания об испытании, о Тенях, о Духах — все это стерлось из их сознания, как файлы с жесткого диска.

Они стояли, безучастно глядя перед собой, как хорошо настроенные марионетки, ожидающие команды.

Сергей остался один. Один с сияющим облаком Духа и с гнетущим знанием, которое отныне лежало только на его плечах.

ГЛАВА 12

Избранный

Тишина в Белой комнате стала иной. Раньше она была напряженной, наполненной страхом и вопросами семи человек. Теперь она была пустой и безразличной. Шесть его спутников стояли неподвижно, их глаза смотрели в никуда, дыхание было ровным и механическим. Они были похожи на прекрасные, сложные куклы, у которых вынули душу.

Сергей смотрел на них, и его охватывало чувство одиночества, такого острого, что его почти физически тошнило. Он был отделен от них невидимой стеной. Он помнил все. Испытание, «Надежду», Тени, страшную истину о грядущей гибели. А они... они были чистыми листами.

Сияющее облако Духа оставалось в комнате, его присутствие было теперь единственным, что казалось реальным.

«Процесс адаптации остальных будет завершен, — прозвучал в его сознании безразличный голос. — Их память о происходящем стерта в целях стабильности. Они — ресурс. Инструменты. Ты — оператор.»

— Я не хочу быть оператором, — с трудом выговорил Сергей. — Я хочу, чтобы все стало как было.

«"Как было" ведет к тому будущему, что ты видел. К погасшему Солнцу. Ты прошел испытание, потому что понял главное: нельзя изменить прошлое, борясь с ним. Но можно изменить будущее, поняв прошлое. Ты увидел шаблон. Паттерн. Это и есть первый шаг Темпуса.»

Облако приблизилось к нему. Сергей почувствовал, как его разум наполняется не знаниями, а... ощущениями.

«Время — не линия. Это ткань. Плотная, многослойная. Обычные люди скользят по ее поверхности. Ты должен научиться чувствовать ее волокна, ее узлы и разрывы. Ты должен научиться... вплетать в нее новые нити.»

Пространство вокруг Сергея снова изменилось. Но на этот раз это было не звездное поле, а нечто более абстрактное. Он видел... потоки. Мириады серебристых струй, переплетающихся, сливающихся, расходящихся. Одни были яркими и быстрыми, другие — едва заметными, третьи — темными и вязкими. Это была река времени, увиденная сверху, во всем ее немыслимом многообразии.

«Это — Спираль. Витки судеб, цивилизаций, планет. Твой виток — здесь.»

Одна из струй, ярко-голубая, подсветилась. Он потянулся к ней мысленно — и ощутил знакомый запах речной воды, пыли деревенской дороги, свежеиспеченного хлеба из печки. Свое детство.

«Прикоснись к другому.»

Он перенес внимание на соседнюю, более тусклую струю. И его пронзила волна чужих эмоций: безграничная усталость, разочарование, запах старого кофе и пыли офисных бумаг. Такер.

«Ты чувствуешь? Это не данные. Это — опыт. Живой, настоящий. Ты должен научиться ориентироваться в этом потоке, не теряя себя. Искать точки соприкосновения. Узлы, где витки сходятся.»

Сергей закрыл глаза, пытаясь справиться с потоком ощущений. Это было похоже на то, как если бы он слушал сразу миллион радиоканалов, пытаясь уловить одну мелодию.

— Зачем? — спросил он, открывая глаза. — Зачем мне нужно чувствовать их боль? Их страх?

«Потому что одиночный разум ничего не изменит. Сила — в связях. В понимании. Тени сильны, потому что они паразитируют на связях, разрывая их. Ты должен быть их противоположностью. Ты должен не разрывать, а связывать. Как светлый силуэт на фреске в твоей памяти. Он не атаковал тьму. Он защищал человека, связывая его с чем-то большим.»

Фреска. Она снова возникала перед его внутренним взором. Теперь он понимал ее чуть лучше. Свет и Тьма не были врагами в привычном смысле. Они были противостоящими принципами. И между ними — Ксил, шестилапый ящер. Связующее звено? Или продукт их противостояния?

«Твое обучение началось. Первый урок: Осознание Потока. Пока ты можешь только наблюдать. Наблюдай.»

Дух начал медленно отдаляться, его сияние становилось тусклее.

«Следующим этапом будет Погружение. Ты посетишь другие витки Спирали. Увидишь, где был сделан неверный шаг. И... где его можно было избежать.»

Сергей остался один в море временных потоков, с шестью безмолвными спутниками, не помнившими своего прошлого, и с тяжестью знаний, которые делали его самым одиноким человеком во Вселенной.

Он посмотрел на неподвижное лицо Инги и попытался мысленно коснуться ее временной струи. И снова почувствовал — жгучий интерес, любопытство, запах старых книг и холодный ветер с фьордов.

Он не просто запоминал это. Он впитывал. Становился частью этого.

Он был Темпусом. И его одиночество было ценой за шанс всех остальных.

ГЛАВА 13

Витки Спирали

Сергей больше не находился в Белой комнате. Он стал сознанием, плывущим по серебристой реке. Вокруг него вихрились образы, звуки, запахи тысячелетий. Дух был его лоцманом, безмолвно направляя его внимание к ключевым узлам — тем самым «виткам спирали», где судьба человечества делала крутой поворот.

Первый виток: Атлантида, 12 000 лет до н.э.

Он не увидел легендарного острова с идеальными людьми. Он увидел цивилизацию, стоявшую на пороге великого открытия. Гигантские, сияющие пирамиды — не из камня, а из отполированного до зеркального блеска материала, похожего на стекло — аккумулировали энергию. Но не солнечную и не ядерную. Это была психическая энергия. Энергия веры, поклонения, страха тысяч людей.

Он увидел «богов» — гигантских биороботов, созданных для тяжелых работ. Они парили в воздухе, передвигали каменные блоки весом в сотни тонн, смягчая материал с помощью машин,

управляющих временем на атомном уровне. Люди поклонялись им, и эта энергия питала всю цивилизацию.

«Они открыли торсионные поля, — пояснил голос Духа. — Энергию вращения пространства. Но для ее концентрации требовался направленный психический импульс большого количества существ, объединенных общей верой.»

Сергей увидел, как атланты, обожествляющие свои творения, начинают использовать эту силу для войн друг с другом. Он увидел, как одна из пирамид, самая мощная, находящаяся под водой (та самая «база Атлантида»), была перенастроена с созидания на разрушение.

«Они нарушили баланс. Вместо того чтобы развивать сознание, они развили технологию, опережающую их духовную зрелость. Результат был предсказуем.»

Сергей почувствовал, как пространство содрогается от чудовищного выброса энергии. Гигантская волна, землетрясения, огненный дождь. Атлантида не просто ушла под воду — она была стерта с лица планеты в результате неудачного эксперимента с телепортацией, эхом которого станет позже Тунгусский метеорит. Знание было утеряно. Виток замкнулся в катастрофе.

Второй виток: Египет, 2500 лет до н.э.

Сергей увидел, как уцелевшие после падения Атлантиды жрецы-ученые пытаются восстановить знания. Они строят свои пирамиды — уже из камня, грубые копии былых энергостанций. Они все еще используют остаточные технологии: размягчают камень, управляя его временными характеристиками, перемещают блоки с помощью остаточной антигравитации, источником которой служит та самая, уже затопленная главная пирамида.

«Они пытались сохранить наследие, но не понимали его сути. Технология выродилась в ритуал. Энергия, которую они

собирали, была ничтожной. Этот виток был попыткой восстановления, обреченной на медленное угасание.»

Сергей увидел, как знания постепенно превращаются в мифы, а машины — в предметы поклонения. Спираль делала новый, более низкий виток.

Третий виток: Наше время.

Его сознание вернулось в знакомый мир. Но теперь он видел его иначе. Он видел невидимые сети — торсионные поля, которые уже начинают открывать современные ученые. Он видел, как могущественные корпорации, «нефтяные картели», о которых писал Вербер, душат эти исследования, чтобы сохранить свою власть. Он увидел Ли в его лаборатории, стоящего на пороге открытия, и свое собственное исчезновение в церкви, которая оказалась одним из древних «резонаторов», все еще сохранявших слабую связь с искаженным полем Атлантиды.

«Текущий виток. Вы находитесь на той же развилке, что и атланты. Технологический потенциал растет, но духовное и этическое развитие отстает. История повторяется. Закон Повторов.»

Четвертый виток: 2870 год.

И наконец, его сознание швырнуло в будущее. Он увидел Землю, которую показывали им раньше, но теперь — изнутри. Холодные, стерильные города. Люди-киборги с чипами в мозгах, общающиеся телепатически. Их глаза были полны не надежды, а усталой резиньяции. Они сражались. Они использовали остатки технологий Атлантиды, давно превращенные в оружие. Их корабли, питаемые «солаксом» и «гидроном», гибли в пустоте, атакованные Тенями.

«Это — конечная точка текущей спирали. Тупик. Они не смогли подняться над циклом. Они стали технологически развитыми, но духовно бедными. Они повторяют ошибку Атлантиды на новом уровне. И проигрывают.»

Сергей вернулся в Белую комнату. Его физическое тело дрожало от пережитого. Он прошел через тысячелетия и увидел одну и ту же ошибку, повторяющуюся снова и снова.

— Круг замкнут, — прошептал он. — Мы обречены наступать на те же грабли.

«Спираль не обязательно должна быть круговой, — возразил голос Духа. — Ее можно распрямить. Для этого нужно найти точку приложения силы. Не в прошлом. Не в будущем. Там, где ткань времени тоньше всего. Там, где решение одного человека может изменить паттерн для миллионов.»

«Эта точка — сейчас.»

ГЛАВА 14

Возвращение

Он проснулся. Не в Белой комнате, а в своей старой комнате, в родительском доме в деревне Светлая. Утреннее солнце пробивалось сквозь занавески, заливая светом знакомые потертые обои и книжную полку с детскими трофеями. Пахло кофе и свежим хлебом — мама уже встала.

Сергей лежал неподвижно, пытаясь совместить два пласта реальности. Один — простой, деревенский, где он студент, приехавший на каникулы. Другой — бесконечный, вселенский, где он Темпус, носитель знания о гибели Солнца и бесконечном цикле падений человечества.

Он поднял руку. Та же рука, что касалась временных потоков. Он посмотрел на царапину на голени. Она была старой, едва заметной. Памятью. Якорем.

— Сережа! Завтрак! — донесся снизу голос матери.

Он спустился. Кухня была такой же, как всегда. Мама, немного постаревшая за эти годы, хлопотала у плиты. По радио играла какая-то народная песня. Все было невыносимо нормально.

— Ты чего такой сонный? — спросила мать, ставя перед ним тарелку с яичницей. — Вчера рано лег.

— Да, — буркнул он. — Приснилось что-то... странное.

Он не мог рассказать. Слова застревали в горле, обреченные на непонимание. Он был заперт в своем знании, как в бронированной капсуле.

Первый день был самым трудным. Его восприятие изменилось. Глядя на лес за окном, он видел не просто деревья, а биомассу, пульсирующую жизнью, чьи торсионные поля слабо, но заметно для него вибрировали. Разговаривая с

соседом-стариком, он чувствовал всю тяжесть его прожитых лет, словно мог прикоснуться к его личной временной струе — уставшей и медленной.

Он был слепым, прозревшим в мире, где все оставались слепы. Это было мучительно.

Через несколько дней он поехал в город, в университет. Ему нужно было вернуться к своей старой жизни, найти в ней точку опоры. Но и здесь его ждало испытание.

На первой же лекции преподаватель включил запись с крошечной конференции по наблюдательной астрономии. В конце поднялся мужчина с бейджем гостя. Сергей узнал Такера Марлоу раньше, чем тот назвал себя. Такер спросил, почему далёкая звезда, давно погасшая, всё ещё может быть ориентиром.

После лекции Сергей нашёл адрес Такера и написал: «Вам когда-нибудь снилась белая комната?»

Ответ пришёл вечером. «Я вас не знаю. Откуда у вас этот адрес?» Сергей не стал навязываться. Но в конце сообщения, ниже подписи, осталась незаконченная строка: «Если комната и была, то выход оттуда…».

В тот вечер Сергей поднялся на холм к церкви. Руины стояли, как и прежде, безмолвные и полные тайн. Он вошел внутрь. Воздух был неподвижным и холодным. Он спустился в подвал, к той самой колонне.

Фреска ждала его. Но теперь его зрение, измененное Духами, видело больше. Он видел не просто изображение. Он видел слабый, но устойчивый энергетический след, исходящий от нее. Это был шов. Место, где ткань реальности была тоньше. Древний портал, через который его когда-то забрали.

Он сел на пол напротив фрески, скрестив ноги. Он закрыл глаза и отключился от мира звуков и запахов. Он стал Темпусом.

Он не пытался изменить прошлое. Он искал связи. Он мысленно коснулся временной струи Ингер, где бы она ни была сейчас, и послал импульс — не знания, а уверенности. Уверенности в ее исследованиях. Он коснулся струи Ли и послал ему мысленный образ успешного эксперимента. Он коснулся Аиши и Маши — и послал им волну спокойствия и надежды.

Он не мог говорить с ними. Но он мог влиять на паттерн. Укреплять нужные связи. Ослаблять деструктивные.

Он был садовником, невидимо подправляющим рост гигантского, запутанного дерева времени.

Открыв глаза, он увидел, что стертая надпись на фреске на мгновение проявилась, сияя неземным светом. Он смог ее прочитать целиком:

«В ЕДИНСТВЕ СВЕТА И ТЬМЫ — СПАСЕНИЕ»

Он понял. Его миссия была не в том, чтобы уничтожить Тьму. А в том, чтобы найти способ объединить ее со Светом. Преодолеть раскол. В себе. В человечестве. В самой Вселенной.

Он вышел из церкви. Ночь была ясной, усыпанной звездами. Он посмотрел на одну из них, ту, что должна была погаснуть в будущем, которое он видел.

Она ярко сияла.

Он не изменил мир за один день. Но он посадил семя. Первую нить в новой ткани реальности.

Его возвращение домой завершилось. Теперь начиналась его настоящая работа.

ГЛАВА 15

Тени среди нас

Возвращение к «нормальной» жизни было иллюзией, и Сергей это понимал. Его восприятие, обостренное Духами, стало фильтром, сквозь который проступала истинная картина мира. Он начал замечать Тени.

Сначала это были едва уловимые искажения на периферии зрения — черные пятна, которые исчезали, стоило повернуть голову. Потом пришли ощущения. В метро, в толпе, он мог вдруг почувствовать волну леденящего, беспричинного страха, исходящую от ничем не примечательного человека. Проходя мимо, он улавливал запах озона и статики, смешанный с едва слышным низкочастотным гулом, который заставлял вибрировать кости.

Они были здесь. Не в открытую, не как армия захватчиков. Они проникали через всплески паники, как через трещины.

Однажды вечером он стал свидетелем инцидента на оживленном перекрестке. Водитель маршрутки, до этого спокойно стоявший на светофоре, вдруг резко рванул с места на красный свет, едва не сбив группу пешеходов. В его глазах, мелькнувших в окне, Сергей увидел не ярость и не панику, а пустоту. Ту самую, что была в глазах его спутников после стирания памяти. Но здесь была добавлена капля чистой, немотивированной агрессии. Миг спустя пустота сменилась обычным человеческим испугом и недоумением. Водитель оглядывался, не понимая, что произошло. Тень ушла, оставив после себя лишь хаос и едва не состоявшуюся трагедию.

«Они питаются психической энергией, — вспомнил Сергей слова Духа. — Страх, боль, отчаяние... это для них пища. Они не уничтожают сразу. Они... подкармливаются.»

Он начал видеть закономерности. Вспышки немотивированной жестокости в новостях, внезапные волны массовой паники, технологические катастрофы, вызванные «человеческим фактором» — везде он чувствовал тот же холодный, чужеродный след. Тени стравливали людей, сея раздор и извлекая энергию из страданий.

Они готовили почву для своего окончательного прихода, ослабляя человечество изнутри.

Его собственная связь с Белой Комнатой искажалась. Иногда, в тишине, он слышал в голове не голос Духа, а что-то другое. Шепот. Тихий, настойчивый, полный сомнений и страха.

«Они тебя обманывают... Ты — пешка... Человечество обречено... Присоединись к нам... Сила в единстве... в подчинении...»

Это был голос Тени. Он пытался проникнуть в его сознание, найти слабое место. Он играл на его одиночестве, на его страхе перед непосильной ношей.

Сергей научился блокировать эти атаки. Он мысленно возводил барьер, вспоминая ощущение сияющего потока времени, единства со своими спутниками, пусть и не помнящими его. Он вспоминал фреску. «В единстве света и тьмы — спасение». Он понимал, что этот голос — лишь одна сторона, пытающаяся поглотить другую, а не объединиться.

Однажды ночью, возвращаясь из университета, он столкнулся с этим напрямую. В безлюдном переходе его окружила группа подвыпивших подростков. Но что-то было не так. Их движения были слишком синхронными, а глаза — стеклянными и пустыми. Они не требовали денег. Они просто смотрели на него с холодной, животной ненавистью.

— Ты не наш, — сипло прошипел один из них. — Ты пахнешь чужим.

Сергей почувствовал, как воздух сгущается. На него попытались надавить. Не физически, а ментально. Волной страха, отчаяния, внушаемой мысли о его ничтожестве. Это была охота.

Он не дрогнул. Он не стал сопротивляться или атаковать. Он сделал то, чему научился у Духов. Он расширился. Он мысленно соединился с серебристыми потоками времени, которые текли через это место. Он почувствовал тысячи людей, прошедших здесь за годы, их спешку, их радости, их горести. Он наполнился этой живой, человеческой энергией и... просто показал ее.

Он стал маяком. Не агрессивным, а просто сияющим.

Подростки заморгали, ошеломленно. Пустота покидала их глаза, сменяясь растерянностью. Они огляделись, не понимая, что делают в этом переходе и зачем окрудили незнакомого парня. Пробормотав что-то невнятное, они быстро разошлись.

Сергей остался один, тяжело дыша. Это была небольшая победа. Но она доказала главное: им можно противостоять. Не силой, а светом. Не разрушением, а напоминанием о том, что значит быть человеком.

Он посмотрел на свое отражение в запотевшем стекле перехода. Его глаза с странным, внутренним светом. Он был Темпусом. И его война уже шла. Не в далеком космосе, а здесь, на улицах его родного города.

ГЛАВА 16

Сбор команды

Победа в переходе была тактической, но она указала на стратегию. Противостоять Теням в одиночку было бессмысленно. Его сила, как и сила Духов, была в связях. Пришло время собрать своих «инструментов» — не как марионеток, а как союзников. Он должен был пробудить в них эхо памяти, не возвращая травмирующих воспоминаний, а активируя те самые уникальные качества, что когда-то сделали их избранными.

Он начал с Ли Вэя.

Ученый, вернувшись в Шанхай, столкнулся с кризисом. Его лабораторию закрыли, данные по эксперименту «Цюаньсинь» засекретили, а сам он находился под негласным надзором. Его рациональный ум отказывался принимать произошедшее, списывая исчезновение на провал памяти из-за переутомления. Но по ночам ему снились сны. Сны о сияющих потоках данных, о разрывах в реальности.

Сергей, находясь за тысячи километров, мысленно касался его временной струи. Он не посылал образы или слова. Он посылал ощущение. Ощущение правильности его догадок, уверенности в том, что он был на верном пути. Он «подсвечивал» в потоке информации, окружавшей Ли, те статьи и теории, что касались торсионных полей и природы времени.

И однажды утром Ли, пивший кофе и в сотый раз просматривавший бессмысленные, на первый взгляд, данные с «Цюаньсинь», вдруг замер. Его взгляд упал на случайный график помех. Он увидел в нем не хаос, а паттерн. Тот самый паттерн, что видел Сергей в гибели «Надежды». Ученый схватил карандаш и начал лихорадочно строить выкладки на салфетке. Пробка в его сознании лопнула. Он не вспомнил

Белую комнату, но он обрел уверенность, чтобы продолжить свои изыскания втайне.

Следующей была Ингер.

Она пыталась забыть странный эпизод в библиотеке, списав его на галлюцинацию. Но ее интерес к пограничным областям физики только возрос. Она писала диссертацию о влиянии сознания наблюдателя на квантовые процессы, но боялась, что ее сочтут сумасшедшей.

Сергей стал ее незримым соавтором. Когда она засыпала над книгами, он мягко направлял ее сны, подкидывая ей обрывки знаний Духов о многомерности реальности. Он усиливал ее врожденную интуицию. Проснувшись, она часто находила на листках с записями не свои собственные пометки — изящные формулы и тезисы, которые вели ее исследование в нужном направлении. Она чувствовала странную поддержку, как будто вселенная сама подсказывает ей ответы. Ее страх сменился одержимостью.

Джозеф, вернувшись в свою деревню, стал местным пророком. Его рассказы о «великих духах» сначала вызывали смех, но потом люди стали замечать, что его предсказания погоды, его советы по рыбалке и земледелию были невероятно точны. Сергей, подключившись к его глубокой, врожденной связи с природой, усилил ее. Джозеф начал буквально чувствовать погодные фронты, миграцию рыбы, состояние земли. Он стал живым барометром и хранителем древнего знания, которое теперь обрело новую силу.

С Аишей и Машей работа была тоньше. Они нашли приют в лагере беженцев в Европе. Их жизнь была полна страха и неопределенности. Сергей не мог изменить их внешние обстоятельства, но он мог работать с их внутренним миром. По ночам он посылал Маше сны о сияющих, добрых существах, которые защищают ее. Он наполнял Аишу необъяснимым спокойствием и решимостью. Вскоре окружающие стали замечать, что возле их скромного жилища царит особая, мирная атмосфера. Люди тянулись к ним за утешением, и Аиша, сама

того не понимая, стала очагом надежды и стойкости для других беженцев.

Самый сложный случай был Такер.

Его жизнь вернулась в серую, безрадостную колею. Он нашел новую работу, еще более скучную, и смирился со своей участью. Его дух был почти сломлен. Тени имели над ним наибольшую власть, питаясь его апатией и разочарованием.

Сергей действовал осторожно. Он не мог просто послать ему уверенность — она бы отторгалась. Вместо этого он начал с малого. Он направлял его взгляд на красивые вещи — на игру света в луже после дождя, на улыбку незнакомки в метро. Он будил в нем едва заметные воспоминания о том самом сне — сне о полете над футуристическим городом. Он заставлял его случайно натыкаться на старые, забытые книги по астрофизике.

Это была медленная, кропотливая работа. Садовник, поливающий засохшее растение. Но однажды Такер, проходя мимо планетария, вдруг остановился и купил билет. Просидев весь сеанс, он вышел на улицу со слезами на глазах. Он не вспомнил ничего конкретного. Но в его сердце зажглась искра. Искра того самого любопытства к звездам, что когда-то двигало им.

Сергей, наблюдая за этим из своей комнаты в России, почувствовал, как шесть когда-то разорванных нитей снова натянулись, стали прочнее. Они еще не были командой. Они даже не знали о его существовании. Но они больше не были пустыми оболочками. Они снова стали людьми, пробужденными к своему уникальному потенциалу.

Первый этап был завершен. Теперь им предстояло найти друг друга.

ГЛАВА 17

Провал в будущее

Он не был готов. Все предыдущие путешествия были контролируемыми экскурсиями под руководством Духа. На этот раз его вырвало из настоящего с силой разрывающейся бомбы.

Один момент он лежал в своей комнате, концентрируясь на тонких нитях, связывающих его с остальными, а в следующий — его сознание провалилось в огненный ад.

2870 год. Орбита Земли.

Он был на мостике боевого корабля. Не уютного «исследователя», как «Надежда», а угловатого, покрытого шрамами сварки и копоти эсминца «Неотвратимый». Воздух был густым от запаха гари, озона и пота. В ушах стоял оглушительный гул силовых установок и тревожные сирены.

Вокруг него метались люди. Вернее, то, во что превратились люди. Высокие, хрупкие, с большими темными глазами и почти незаметными ртами. Чипы у их висков мерцали красным светом. Они общались беззвучными взглядами и короткими,

свистящими трелями, которые сливались в один пронзительный звук. Но сквозь эту телепатическую связь Сергей чувствовал одно — всепоглощающий, животный ужас.

— Контакт! Тени на дистанции триста километров! — мысленно крикнул кто-то, и этот крик отозвался в мозгу у всех, включая Сергея.

На главном экране, заменяющем лобовое стекло, из глубин космоса выползало черное пятно. Оно было больше, чем все, что он видел в симуляциях. Оно поглощало свет звезд, превращая их в гаснущие точки.

— Готовить гидронные двигатели к прыжку! — скомандовал капитан, существо с лицом, испещренным светящимися татуировками-интерфейсами.

— Не успеваем! Накопителей солакса недостаточно! Нужно еще три минуты! — доложил оператор, его свистящая речь была полна отчаяния.

Черное пятно набирало скорость. Оно не летело — оно растекалось, как чернила в воде. Его край коснулся кормы «Неотвратимого».

И началось.

Сначала погасла главная двигательная дюза. Яркий голубой огонь сменился тьмой. Затем, как по цепочке, начали гаснуть огни по всему корпусу корабля. Электричество. Свет. Приборы. Все это обращалось в ничто под прикосновением Тени.

Сергей чувствовал, как вместе с энергией корабля иссякает энергия экипажа. Он видел, как люди начинали замедляться. Один из офицеров поднял руку, чтобы нажать на кнопку, но его пальцы замерли в сантиметре от цели. Его глаза, полные ужаса, остекленели. Он застыл, как муха в янтаре.

Волна небытия ползла по мостику. Сергей, будучи лишь наблюдателем, чувствовал леденящий холод, исходящий от нее.

Это был не физический холод, а холод абсолютной пустоты, прекращения всякого существования.

Он смотрел в лицо капитану. Существо с гордым, невозмутимым лицом. И видел, как это лицо начинает терять выражение. Как свет в его глазах медленно угасает, сменяясь той самой пустотой, что он видел в глазах одержимых Тенью в своем времени. Но здесь это было не временным состоянием. Это было окончательным и бесповоротным концом.

Последнее, что успел почувствовать Сергей, — это тончайшая, разрывающая душу нить. Нить, соединяющая каждого члена экипажа с чем-то большим, с единым полем сознания человечества. И он почувствовал, как эти нити одна за другой... обрываются. С хрустом ломающейся судьбы.

Сознание вернулось в его комнату с такой силой, что его вырвало на пол. Он лежал, дрожа, обливаясь холодным потом, в ушах все еще стоял тот самый свистящий звук — предсмертный крик целого корабля.

Это было не видение. Это было переживание. Он почувствовал их смерть. Он почувствовал, как гаснут их души.

Голос Духа прозвучал в его сознании, и впервые в нем слышалась... усталость.

«Ты видишь. Это не сценарий. Это – реальность, которая наступит. Скоро. Тени учатся. Они становятся эффективнее. Раньше процесс занимал минуты. Теперь – секунды. Точка невозврата приближается быстрее расчетов.»

Сергей поднялся, опираясь на стену. Его тело предательски тряслось.

— Что мне делать? — его голос сорвался на шепот. — Я не могу... я не могу с этим бороться!

«Мы не просим тебя бороться. Мы просим тебя понять. Понять самую суть раскола. Почему мы и Тени стали врагами? Что

разделило нас? Пока этот раскол существует, война будет вечной. И вы, люди, будете ее топливом.»

«Цена знаний, Сергей, в том, чтобы перестать быть зрителем. Даже если единственное, что ты можешь сделать — это понять.»

Сергей посмотрел в окно на восходящее солнце. Оно казалось таким хрупким. Таким обреченным. После пережитого ужаса его миссия из абстрактной концепции превратилась в физическую необходимость.

Он не мог позволить этому будущему случиться.

ГЛАВА 18

Возвращение к истокам

Дорога в деревню Светлая на этот раз была похожа на паломничество. Каждый километр, каждое знакомое дерево отдавалось в Сергее эхом двух реальностей — простой, детской, и той, чудовищно сложной, что легла на его плечи. Он ехал в место своей смерти и своего второго рождения.

Дом родителей стоял пустой. Они уехали к родне в город. Тишина была гнетущей. Он не стал заходить внутрь, направившись прямиком к церкви на холме.

Руины встретили его безмолвным равнодушием веков. Ветер гулял в пустых глазницах окон, шелестел сухой травой у подножия. Но для Сергея это место было живым. Он чувствовал низкочастотную вибрацию, исходящую из-под земли — эхо древнего резонатора, того самого «прибора», расширяющего восприятие.

Он вошел внутрь. Лучи заходящего солнца, пробиваясь сквозь щели в кровле, выхватывали из мрака обломки былого величия. Он спустился в подвал. Воздух был таким же ледяным и сырым, как и тогда, двенадцать лет назад.

И вот он снова стоял перед колонной с фреской. Она не изменилась. Три существа. Свет. Тьма. И связующий их ящер-обезьяна, Ксил. Но теперь он смотрел на них не глазами испуганного ребенка, а взглядом Темпуса, видевшего рождение и гибель цивилизаций.

Он сел на пол, скрестив ноги, в той самой позе, в которой его нашел Туман. Он закрыл глаза и отпустил все. Страх перед будущим, одиночество, тяжесть знаний. Он стал просто проводником.

Его сознание погрузилось в энергетический след, исходящий от фрески. Он почувствовал, как его разум расширяется, но на этот раз не в будущее или прошлое, а... внутрь. Внутрь самого паттерна, внутрь изначального раскола.

Он увидел не войну, а рождение. Единый, сияющий разум древнего человечества, достигшего апогея своего развития. И первый, страшный выбор. Часть сознания, устав от ограничений материи, пожелала отбросить ее, слиться с энергией Вселенной, стать чистым знанием — Духами. Другая часть, испугавшись потери индивидуальности, эгоистично цепляясь за «я», отринула этот путь. Она начала пожирать энергию вовне, чтобы поддерживать свою обособленность, свою иллюзию — так родились Тени.

Ксилы... они были первой, неудачной попыткой примирения. Искусственно созданный гибрид, мост, который должен был соединить два принципа. Но мост рухнул, и Ксилы, обретя свободу, стали вечным напоминанием о неудаче, живым символом раскола.

И тут его сознание пронзила мысль, ясная и жестокая, как луч лазера: раскол никогда не был ошибкой. Он был необходимостью.

Эволюция требует выбора. Дивергенции. Без разделения на свет и тьму, на знание и силу, на отдачу и поглощение не было бы движения. Не было бы самой Спирали.

Но эволюция также требует и синтеза. Нового объединения на более высоком уровне. И этот синтез не произошел. Человечество, в лице своих крайних проявлений — Духов и Теней, — застряло в фазе вечного противостояния. И это противостояние грозило уничтожить не только их, но и все сущее.

Сергей открыл глаза. Слезы текли по его щекам, но он не замечал их. Он смотрел на стертую надпись. И теперь, с новым пониманием, он не просто увидел ее — он узнал.

Буквы вспыхнули изнутри, сияя тем же светом, что и Духи.

«В ЕДИНСТВЕ СВЕТА И ТЬМЫ — СПАСЕНИЕ»

Это была не просьба. Это была инструкция. Констатация факта. Спасение было возможно только через прекращение войны внутри самого себя. Через принятие обеих своих частей — и светлой, жаждущей знаний и единства, и темной, эгоистичной, цепляющейся за индивидуальность.

Он понял свою истинную миссию. Он был не оружием. Он был тем самым недостающим звеном, новым Ксилом. Но не созданным искусственно, а рожденным естественным путем, в самом сердце человечества, прошедшим через оба лагеря и понявшим их природу.

Его задача была не в том, чтобы уничтожить Тени или подчиниться Духам. Его задача была в том, чтобы стать мостом. Мостом между ними. И первый шаг к этому — стать этим мостом внутри самого себя.

Он встал. Его тело больше не дрожало. Взгляд был чистым и решительным. Он вышел из подвала, из церкви, и поднялся на самый холм.

Ночь опустилась на землю, и небо усыпали звезды. Он смотрел на них, чувствуя свою связь с каждой. Со звездами, которые горят. И с теми, что уже погасли.

Он нашел свою точку опоры. Не во времени, не в пространстве, а в самом себе. Теперь он был готов.

ГЛАВА 19

Великий диалог

Сергей стоял на вершине холма. Ветер трепал его волосы, а под ногами лежала спящая деревня, не подозревающая, что ее судьба решается здесь и сейчас. Он был точкой сборки. Антенной, настроенной на все витки Спирали.

Он больше не был просто Сергеем. Он был Темпусом, мостом между враждующими принципами. И пришло время начать диалог.

Он закрыл глаза и отключил все внутренние диалоги, все страхи, все надежды. Он стал чистым намерением, чистым каналом. Он вспомнил ощущение каждого из своих спутников — их боль, их надежды, их уникальный дар. Он вспомнил леденящий ужас гибели «Неотвратимого» и холодную, безразличную мудрость Духов. Он вспомнил ядовитый шепот Теней и их ненасытный голод.

И затем он начал транслировать. Не мысль. Не идею. А ощущение. Ощущение единства, которое он обрел в себе.

Он обратился к архитектору пирамид в Гизе, который в отчаянии смотрел на чертежи, чувствуя, что истинное знание утрачено. Сергей послал ему не технологию, а понимание — что камень можно не покорять, а слушать, что истинная сила в гармонии, а не в подавлении.

Он обратился к ученому-атланту, который в ярости настраивал оружие на основе торсионных полей, чтобы уничтожить врагов. Сергей послал ему осознание — что энергия, питаемая страхом и ненавистью, неизбежно обратится против самого творца.

Он обратился к Ли Вэю в его тайной лаборатории, который был на грани открытия. Сергей убрал последние барьеры страха, и

ученый вдруг ясно увидел полную формулу — не для создания оружия, а для стабилизации пространства-времени.

Он обратился к Инге, которая писала свою диссертацию. Он усилил ее мысль, и ее пальцы сами вывели заключение: «Сознание не наблюдает вселенную. Оно творит ее в акте наблюдения. И наше единственное спасение — творить ее вместе».

Он обратился к Джозефу, который молился духам озера. Сергей соединил его с планетарным сознанием, и рыбак почувствовал не просто течение воды, а пульсацию самой Земли, ее боль и ее надежду.

Он обратился к Аише и Маше в лагере беженцев. Он наполнил их сердца не слепой верой, а несокрушимой силой — знанием, что даже в самом сердце тьмы можно быть источником света, и этот свет заразителен.

Он обратился к Такеру, который смотрел на звезды с балкона своей квартиры. Сергей разжег в нем ту самую искру, превратив ее в пламя. И Такер внезапно понял, что его место не в душном офисе, а там, среди звезд, которые нужно защитить.

И наконец, самое трудное. Он обратился к Теням.

Он не послал им свет, чтобы их уничтожить. Он не послал им сопротивление. Он послал им... признание. Признание их права на существование. Признание их как части целого. Он послал им образ — не борьбы, а баланса. Как день сменяет ночь, а вдох сменяет выдох. Он показал им, что их вечный голод можно утолить не поглощением, а вхождением в цикл, в круговорот энергии Вселенной.

И он обратился к Духам.

Он послал им не покорность, а напоминание. Напоминание о том, что они забыли, отказавшись от тел. О жарком солнце на коже, о вкусе пищи, о боли и радости бытия. Он показал им, что

их принцип «Не навреди» — пассивен. И что иногда, чтобы предотвратить большее зло, нужно действовать. Нужно рискнуть.

Это был не взрыв. Не триумфальный луч света, разрывающий тьму. Это было тихое, глубинное смещение. Как будто гигантские шестеренки мироздания, скрипевшие от напряжения, вдруг сдвинулись на один-единственный зубчик и встали на свои места.

Сергей не изменил прошлое. Он не отменил войну в космосе одним махом. Но он посеял семена. Семена сомнения в сердцах Теней. Семена сострадания в разуме Духов. Семена куража в душах людей.

Он открыл дверь. Всего на щель. Но теперь она была открыта.

Опустошенный, он упал на колени, упираясь лбом в прохладную землю. Он отдал все, что у него было. Он больше не чувствовал себя одиноким. Он чувствовал себя частью бесконечного, живого узора, который начинал медленно, неохотно, менять свою форму.

Вдали занимался рассвет. Новый день. Новый виток Спирали. Но на этот раз — с новой возможностью.

Эпилог. Странник времени

Из «Энциклопедии относительного и абсолютного знания», том 7 (дополненное издание):

Закон Обратимости. «Точка возврата существует всегда. Она – в моменте выбора между страхом и пониманием».

Спираль времени – не приговор, а возможность. Каждый виток – это шанс. Шанс исправить ошибку, усвоить урок, сделать шаг к целостности.

Великие события редко выглядят великими. Чаще всего они похожи на шепот, на случайность, на тихое озарение, пришедшее ниоткуда. Но именно эти шепоты меняют мир.

Прошел год.

Мир не перевернулся в одночасье. Войны не прекратились, глупость и жадность никуда не исчезли. Но что-то изменилось. Какой-то невидимый ток прошел по нервной системе человечества.

Ли Вэй, работая втайне, опубликовал скромную статью в малоизвестном научном журнале. В ней он предлагал радикально новую модель стабилизации квантовых полей. Статью почти не заметили. Но ее прочитал один инженер в ЦЕРНе, и она дала ему ключ к решению проблемы, над которой он бился годами.

Ингер блестяще защитила диссертацию. Ее работу, сначала встреченную скептически, постепенно начали цитировать. Рождалась новая научная парадигма, где сознание и материя были неразделимы.

Джозеф стал советником всей округи. К нему приезжали за советом не только рыбаки, но и агрономы, и даже метеорологи.

Его древняя, «шаманская» мудрость, подкрепленная новым, острым чувствованием природы, творила чудеса.

Аиша и Маша стали центром небольшой, но крепкой общины в лагере беженцев. Они не просто выживали — они создавали новую модель сообщества, основанную на взаимопомощи и удивительном, необъяснимом спокойствии, которое излучали.

Такер уволился с работы. Он записался на вечерние курсы по астрофизике. В тридцать с лишним лет он начинал все с начала. Его глаза, потухшие было, снова горели огнем.

Они не знали друг друга. Но их жизни, как реки, начали течь в одном направлении, подчиняясь незримому полю, которое создал Сергей.

А что же Сергей?

Он сидел на том же холме, у руин церкви. Он был другим. Спокойным. Принявшим. Он больше не был грузчиком, таскающим на себе тяжесть мира. Он был садовником. Он поливал ростки, которые посадил, и наблюдал, как они пробиваются сквозь толщу времени.

Иногда, в тишине, он слышал их. Не голоса, а ощущения. Вспышку радости Ли от новой идеи. Глубокое, ясное понимание, приходившее к Ингер. Тихий смех Маши. Решимость Такера.

Он был Темпусом — Странником времени. Он ходил по спирали времени, не нарушая ее хода, а лишь слегка подправляя узор.

Он посмотрел на ночное небо. Звезды сияли. И одна, далекая, та, что в другом будущем должна была погаснуть, горела особенно ярко. Это была не победа. Победа — понятие для тех, кто мыслит категориями битв.

Это было равновесие. Хрупкое, драгоценное, выстраданное. И он был его хранителем.

Песок в песочных часах пересыпался. И кто-то перевернул их снова.

Путешествие не закончилось. Оно только началось.

ЧАСТЬ II

Мост между мирами

ГЛАВА 01

Пробуждение связей

Июнь 2026 года. Деревня Светлая.

Первым с холма спустился Димка. Он нёс латунную ложку, завёрнутую в газету десятилетней давности. На бумаге остался круглый след от чая.

— Ты всё-таки принёс её, — сказал Сергей.

— Пять лет держал в сарае. Потом прятал от сына, а то ведь он тоже придумал бы сундук.

Лёшка не засмеялся. На развилке он остановился и посмотрел на церковь, где у стены росла малина.

— В ту ночь мы вернулись с твоей матерью, — сказал он. — Ты уже сидел на крыльце. Никто тебе и слова поперёк не сказал. Решили, что ты выбрался раньше нас. И правильно сделали. Ты тогда в самом деле ничего не помнил.

— Я помню сейчас, — ответил Сергей. — Почти всё. А вы?

— Я помню, как мы убежали, — сказал Димка. — Остальное до сих пор придумываю.

Сергей хотел сказать, что им было тринадцать и девять, что никто тогда не умел открывать двери во времени. Вместо этого взял ложку и сел на ступеньку. Димка сел рядом. Впервые за много лет они договорили до темноты.

Вечером Сергей положил ложку у фрески. Металл задрожал, хотя колонна была неподвижна. По камню прошла тонкая полоска света. Он увидел освещённое окно, стол и женщину, которая в точности так же прижимала ладонь к дрожащему стеклу. Узкая звезда у её ключицы едва заметно мерцала.

— Кто ты? — спросила Ингер.

Сергей назвал имя. Женщина придвинула к себе лист и написала его кириллицей, медленно, как рисуют незнакомую схему.

— Ты умеешь уходить? — спросила она после паузы.

Он ослабил связь. Окно исчезло.

Через минуту на камне снова появилась полоска света. На этот раз дверь открыла она.

— Теперь поговорим, — сказала Ингер. — Ты тоже слышал второй удар?

Сергей прислушался. За обычным гулом портала шёл другой, слабый и неровный. Казалось, кому-то далеко не хватало времени закончить фразу.

ГЛАВА 02

Хранительница знаний

В Осло ливень начался как раз в ту минуту, когда Ингер обнаружила на карте восьмую аномалию. На аварийной записи часы с башни отстали ровно на секунду. Семь других сбоев, от Шанхая до берегов Танганьики, дали такое же отставание. Все восемь начались с двух сигналов, как тот, который они слышали с Сергеем. Первый приходил из будущего.

Ингер дважды проверила синхронизацию. Потом закрыла таблицу и спустилась в рукописный архив. Она вспомнила рисунок из каталога — светлая и тёмная фигуры, соединённые существом с шестью конечностями. На фреске Сергея были такие же три фигуры.

Трактат оказался в мастерской у реставратора. На форзаце стоял 1826 год. Внутри лежал лист с тщательно обведённой кривой. Пока Ингер смотрела, две пустые строки под ней потемнели.

«Для Ингер. Ищи точку сборки».

Реставратор сняла очки.

— Это вы сейчас написали?

Ингер покачала головой. Они вместе сфотографировали лист. На снимке осталась кривая, а строки исчезли.

Дома Ингер свела восемь графиков так, чтобы совпал первый удар. Вторые сложились в каскад. Если бы аномалии были случайностью, каскад рассыпался бы. На её экране он замкнулся в спираль.

— Что-нибудь понял? — спросила она у Сергея, когда он отозвался.

— Кривую я видел на фреске. Слова — впервые.

Ингер перевернула лист с расчётами и пересчитала всё, сознательно игнорируя находку. Результат оказался тем же. Она обозначила точку сборки не на карте, а в уравнении. Это было место встречи нескольких независимых сигналов, момент, в котором каждый из участников ещё мог изменить решение.

— Если мы начнём выбирать за остальных, у нас тут будет один сигнал вместо нескольких, — сказала она.

— Я уже так делал, — признался Сергей. — С твоими снами.

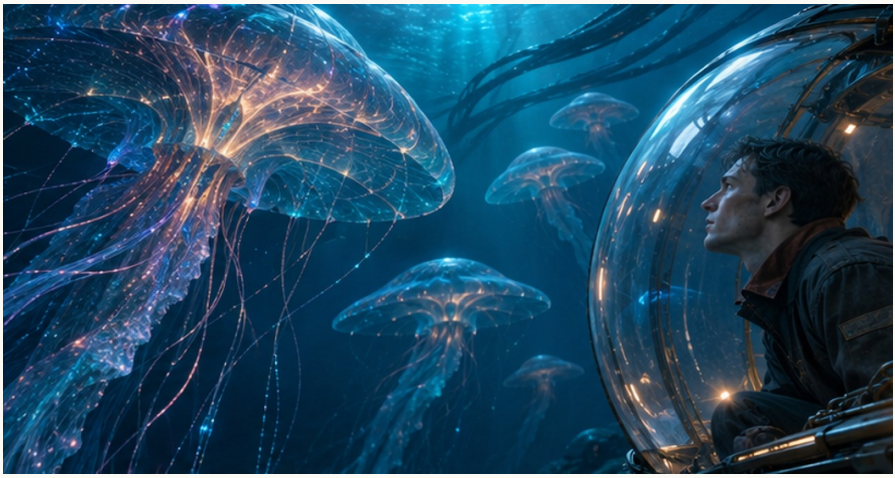
Ингер помолчала.

— Тогда начнём с самого простого. В следующий раз стучись.

Двойной удар прервал разговор. У него появился третий, едва слышный отзвук. Ингер записала его на полях. Позднее она узнала, что таким был зов о помощи на Х’тарре.

ГЛАВА 03

Первый контакт на Х’тарре

Дух, которого Сергей узнал по Белой комнате, встретил его у самой границы воды. Вокруг них плавали звёзды. Только когда одна подошла вплотную и распустила тонкие щупальца, Сергей понял, что находится глубоко под поверхностью.

Светящаяся оболочка выдерживала давление. Он слышал, как скребутся о неё песчинки. Под ними лежал город из живых прозрачных колоколов. Внутри каждого проплывали разноцветные узоры.

— Мы называем себя детьми Великого Течения, — передала ему старейшина Океанидов. — Ты можешь звать меня Тала.

Для приветствия она показала, как её народ пережидает бурю: взрослые гасят свет, чтобы потом разом вспыхнуть и дать потерявшимся детям ориентир. Сергей отозвался воспоминанием о фонаре у себя на крыльце.

Тала ждала дальнейшего ответа, когда в воде раскрылось чёрное пятно. Оно пошло вдоль течения. Один за другим погасли жилые колокола. Маленький Океанид поплыл за взрослым, повторяя его световую фразу, но взрослый уже не помнил её конца.

Сергей прыгнул к нему и ударился о стенку оболочки. Дух удержал её, пока Тала посылала по городу короткий сигнал. Десятки Океанидов ответили вспышками. На миг их огни снова соединились в созвездие. Тёмное пятно остановилось. От него отделилась тонкая нить и потянулась к самому слабому огоньку.

Тала была ближе всех и могла погасить его. Вместо этого она повторила едва слышный рисунок маленького Океанида. Тёмная нить дрогнула и ушла в расселину вместе с остальными.

— Они в самом деле забирают ваши сны? — спросил Сергей.

— Во сне мы передаём детям память. Сегодня Лир забыл, как выглядит его дом. Завтра я могу забыть, как его зовут.

Сергей освободил ладонь, которую всё это время прижимал к стеклу. На ней осталось три полосы от ногтей.

— Мы вернёмся, — сказал он.

— Кто «мы»?

За его спиной прозвучал короткий стук. Ингер ждала разрешения войти.

ГЛАВА 04

Битва за Океан Снов

На следующем приливе Тени повторили сигнал Талы. Город вспыхнул дружно, словно откликнулся на учения. Через секунду Сергей увидел, что каждый Океанид отвечает своим самым страшным воспоминанием. И каждое воспоминание немедленно становилось общим.

Тала билась о стену ближайшего колокола. Ей казалось, что внутри заперт Лир, хотя он пульсировал светом у её спины.

— Они используют ваш ответ, — крикнул Сергей. — Перестаньте повторять!

Тала попыталась отключиться. Вместе с ней начали гаснуть кварталы. Океаниды так давно жили в общей памяти, что одиночество действовало на них как внезапно исчезнувший воздух.

— Здесь Ингер, — прозвучало у Сергея в висках. — Если слышишь, дважды постучи по оболочке.

Он нашёл пальцами стекло. На два удара ушло столько усилия, будто он поднимал его целиком.

— Дайте каждому собственный промежуток, — сказала Ингер. — Иначе страх успевает обогнуть весь город раньше, чем кто-нибудь замечает подмену.

Тала потребовала, чтобы Сергей показал, как это должно выглядеть. Он вспомнил Димку, который в детстве боялся тишины после ссоры. Мальчик стучал из-за стены. Сергей ждал, пока тот закончит, и лишь потом отвечал.

Тала отослала один короткий импульс. Лир ответил спустя целую секунду. Следующая вспышка пришла с другого конца улицы. Сигнал Теней метался между ними и рассыпался. В

оставшихся тёмными колоколах стали один за другим зажигаться огни.

Под оболочку Сергея скользнула тонкая тёмная нить. Он узнал её по нерешительному движению. Ингер удержала расчётное окно открытым. Тала показала пришельцу свой сон о Лире — вместе с его страхом, своим облегчением и тем моментом, когда она впервые услышала его ответ.

«Я думала, — коснулась его нить, — если затихну, меня больше не будет».

Лир вспыхнул один раз. Нить дождалась паузы и ответила.

На дальнем конце города проснулся радиомаяк. Он передал координаты Х’тарры и приказ освободить систему. До прибытия кораблей Коварнов оставалось девять суток.

ГЛАВА 05

Цитадель Коварнов

Посадочная площадка вращалась вместе с астероидом. За стеклом то вставало, то скрывалось далёкое белое солнце. Кранток ждал Сергея у стены с тысячами углублений. В каждом горела крохотная точка.

— Поселения? — спросил Сергей.

— Экипажи, которые я не вывел из Сада Кенны.

Кранток был сложен из кремниевых пластин. При каждом шаге они тихо стукались друг о друга. Когда он говорил о Саде Кенны, звук стихал.

— Мы пытались спасти обе стороны. Оставили проход открытым. По нему Тени вошли в жилое кольцо.

Он показал Сергею запись. Разгерметизированный сектор уходил в темноту. На экране оставался порядок аварийной эвакуации, замерший на третьей строке.

— Теперь мы схлопываем заражённые системы, пока там есть что схлопывать, — сказал Кранток. — У моей ошибки тоже была цена. Следующую заплачу заранее.

— Кто успеет уйти с Х’тарры?

— Обитатели могут разместиться на ваших кораблях?

Сергей вспомнил колокола Океанидов. Их город питался течением. Оторвать его жителей от планеты значило отправить их без воздуха.

— Некоторые Тени уже отвечают на сигналы Талы. Вы ещё можете их услышать.

Кранток вызвал карту. Три светлых точки, вытянутые вдоль края системы, обозначали его корабли.

— Через девять суток я отключу Х’тарру. Принеси мне измерение, которое я могу повторить сам. К этому сроку я остановлю приказ, если увижу работающий выход.

Сергей вышел к шлюзу. За плечом Крантока он заметил одну пустую выемку в памятной стене. Рядом лежала пластина, ещё без имени.

— Это место для моего корабля, — сказал инженер, не оборачиваясь. — Я никогда не отдаю приказ, которому сам не готов подчиниться.

ГЛАВА 06

Сбор союзников

На этот раз Сергей начал с обычного звонка. Ли Вэй снял трубку на девятом гудке, выслушал и попросил его назвать контрольное число из журнала «Цюаньсинь». Сергей его не знал. Тогда он описал белую тишину, в которой Ли ощупывал стену.

На другом конце провода долго молчали.

— Вот почему я столько лет рисую её в блокнотах, — сказал наконец Ли. — Покажите задачу.

Шанхайская лаборатория помещалась в бывшей ремонтной мастерской. Ли и Чэнь собрали там полевой стабилизатор из списанных деталей. Прибор держал шов открытым четыре секунды. Ли заметил, что после каждого включения задержка менялась, словно кто-то с другой стороны пытался попасть в ритм.

Джозеф выслушал запись на берегу Танганьики. Потом отправил в озеро два поплавка и предложил Сергею смотреть. Один поднимался на волне, другой в эту минуту опускался.

— Вы с Ингер всё время тянете одновременно, — сказал он. — Попробуйте тянуть через одного.

Благодаря его подсказке Ли продлил окно до семи секунд. Этого хватило, чтобы Маша, сидевшая в центре для переселенцев рядом с Аишей, услышала сигнал Талы. Она ответила тремя ударами карандаша. С другого конца пришли те же три удара, с маленькой паузой в середине.

— А кем я буду? — спросил Такер. Он включился из нью-йоркского планетария, когда уборщики уже выключали проектор.

— Найди места, где успеет собраться помощь, если связь пропадёт, — попросила Аиша. — Списки людей, помещения, понятные сигналы. Мы это делали, когда в лагере отключалось электричество.

Такер открыл сразу три списка. На первом стояли одиннадцать сбоев с неполными данными. На втором было пять мест, где люди могли работать без сети. На третьем — договорённость с Ли: прежде чем выслать адрес лаборатории, самому перезвонить тому, кто его просит.

Такер назвал их командой. Аиша попросила сначала решить, как из неё выйти. Они договорились о простой фразе: «Закрой дверь». Её мог произнести любой.

ГЛАВА 07

Любовь сквозь время

Ингер разбудила Сергея обычным сообщением. «Сегодня без совета. Хочу кое-что показать».

Они встретились в Атлантиде — в том же городе, который Сергей некогда видел накануне гибели, только за несколько месяцев до первого разрыва. Вода в каналах была чистой. На нижнем ярусе моста дети катали по камню шарики и вели счёт на пальцах. Биоробот, похожий на человека с полупрозрачными суставами, собирал укатившиеся шарики и возвращал их владельцам.

— Мне всё время снилось это место, — сказала Ингер. — Я думала, что просто слишком долго сидела в архиве.

Сергей пригласил её на набережную. Она коснулась его руки и ничего не ощутила. Оба на миг перестали дышать, хотя здесь им не требовался воздух.

На площади спорили двое. Инженер предлагал сохранить атлантов в общем поле до тех пор, пока город не переживёт

катастрофу. Его собеседница пыталась узнать, кому потом будет принадлежать право выйти. Никто из спорящих не увидел чужих наблюдателей. На камне у канала лежало яблоко. Сергей отчётливо чувствовал запах и не мог его поднять.

— Ты пытался когда-нибудь хоть что-нибудь здесь изменить? — спросила Ингер.

— Пытался предупредить человека. Он посмотрел сквозь меня. А я вернулся и уже не мог вспомнить голос матери.

Она обернулась. Он впервые рассказал ей, что стоило удерживать двери открытыми. Дома голос матери вернулся, но имя первой учительницы так и не всплыло. Тогда он решил, что цена невелика, и не сказал никому.

— Я запомню за тебя, если понадобится, — сказала Ингер. — Но мне нужно знать, когда останавливать опыт.

Он назвал имя матери и попросил Ингер записать его вместе с именами Лёшки и Димки. Она назвала свою сестру и адрес первой квартиры.

Их руки встретились снова. На этот раз сигнал задержался ровно на один удар сердца. По ладони прошёл слабый ток. Ингер крепче сжала пальцы, а потом отпустила сама.

— До встречи на Земле, — сказала она. — Хочу наконец знать, какой кофе ты пьёшь.

ГЛАВА 08

Подземные города Ксилов

На поверхности Ксилона-7 не было ничего, кроме чёрной пыли и сломанных вышек. Под поверхностью росли целые улицы. Их прозрачные стены перемещались вслед за светом. При приближении гостей из разлома поднимались живые лестницы.

Старейшина Зурракс ждал в круглом зале. Он шёл на шести конечностях, осторожно обходя жилы кристаллов, будто знал, какая из них спит.

— Ваш Дух помнит нас другими, — сказал Ксил. — Когда-то Тени выводили нас как живые усилители. Мы могли заставить противника переживать его худший день снова и снова. Некоторое время после освобождения мы делали то же самое с бывшими хозяевами.

Он предложил испытать усилитель на малой мощности. Сергей согласился, и знакомая фреска встала у него перед глазами. Он опять оказался в подвале. Снизу тянуло морозом. Сверху кричал Лёшка. Сергей успел прошептать «закрой дверь», прежде чем забыл, зачем пришёл.

Зурракс разомкнул сеть.

— Теперь представляешь, что услышит Тень, если мы направим на неё всё, что можем.

Ингер сняла датчик с запястья Сергея и положила его на камень.

— Если собеседник не может прервать контакт, это оружие. Даже когда ему передают счастливое воспоминание.

Зурракс подвёл их к соседнему кристаллу. Внутри была выточена ступенчатая щель. Он объяснил, что когда-то молодые Ксилы пробили её ради тайных разговоров. Каждый участник мог сам открыть свою сторону проводника. Поток прекращался, стоило одному отступить.

Кристалл засветился с двух сторон. На одной стояла Ингер. С другой позвала та самая Тень, которая задержалась у океанского города. Она назвала себя Отливом.

«Те, кто ушёл со мной, теряют память, — сказала она. — Пожиратель держит нас своим голодом».

Зурракс не убрал конечность от щели. Он имени Пожирателя ждал давно и всё же спросил, обращаясь прямо к Отливу:

— Ты можешь выйти сейчас?

Кромка погасла. Через долгую паузу она зажглась снова.

«Могу», — сказала Отлив.

Предательство и надежда

Такер получил голосовое сообщение из Шанхая. Голос был Чэня, и даже кашлянул он перед последней фразой как Чэнь. Погас свет, им нужен аварийный адрес для бригады. Такер уже видел на карте скачок. Он мысленно прикинул, сколько времени уйдёт на звонок, и отправил координаты.

Через четыре секунды Чэнь позвонил сам.

Такер открыл журнал пересылки. Под сообщением, которое должно было уйти одному человеку, стояло одиннадцать отметок о получении. В тёмном мониторе отражался чёрный прямоугольник. Он был слишком высоким для окна.

— Тени знают лабораторию, — сказал Такер в общий канал. — Адрес выдал я. Замкните контур.

Ли находился внутри испытательного кольца, когда с улицы стекли первые чёрные полосы. Чэнь кинулся к наружному щиту. Ли приказал оставить оборудование и помочь людям из соседней мастерской выйти через двор.

Ингер увидела на схеме, как стабилизатор начинает держать открытым тот самый вход, через который тянется атака. Ей требовался человек, способный выключить его изнутри и выйти до замыкания.

— Введи задержку, — попросил Ли. — Столько, сколько сможешь.

— Семь секунд, — ответила Ингер.

Джозеф передал через поле рисунок встречных волн. Ли поймал промежуток между ними. Времени хватило обесточить кольцо и упасть через порог на руки Чэня. Двор залило белым светом. Через мгновение дверь прогнулась внутрь. Изнутри повеяло озёрной водой, и чёрные полосы исчезли.

Такер не ушёл с канала. Он передал команде полный журнал со своей подписью, отдал ключи доступа и приготовился услышать распоряжение покинуть группу.

— Хочешь помочь? — спросила Аиша. — Разбери журнал с Машей. Ей нужны интервалы между отметками.

Одиннадцать получателей оказались одиннадцатью узлами одной сети. Маша набила их ритм по столу и услышала, как тот смещается от узла к узлу.

Последний маяк смотрел прямо на Солнце.

ГЛАВА 10

Великий совет

Духи вернули им Белую комнату. На этот раз в стене была дверь. Аиша вошла первой и проверила, что она открывается изнутри. Только тогда позвала Машу.

Тала прибыла в пузыре своей воды. Зурракс подвёл выращенный кристалл. Кранток явился последним и остался стоять у двери.

Такер положил на пол распечатку. Тени использовали шанхайский стабилизатор как пробное окно. Одиннадцать маяков сбрасывали энергию в один приёмник у Солнца. Х'тарра стояла на обратном пути сети. Если бы Коварны ударили по ней, Пожиратель смог бы стянуть в себя выброс целиком.

Кранток сверил показания с журналом своих кораблей. Потом посмотрел на Талу.

— Я отзываю приказ, — сказал он. — Я готов поставить заслон у вашей звезды. Мне нужен способ отличать отступающих Теней от наступающих.

— Открой им путь в сторону от Солнца, — предложила Тала. — Пусть выбирают при нас.

В Белой комнате зашелестел голос Духа. Он напомнил, что его народ не вмешивался в войны тысячелетиями. Сергей спросил, сколько раз это решение принимали сами жители тех миров. Дух ответил не сразу.

Ингер разложила схему точки сборки. Океаниды держали паузы между импульсами. Ксилы открывали двусторонние каналы. Коварны обеспечивали защиту на подлёте. Ли со своим расчётом удерживал фазу, а Джозеф следил за встречной волной. Такер управлял резервной связью под контролем

Аиши. Людям, которых она собирала на Земле, предстояло принять аварийный сигнал и не ответить всем одновременно.

— А Духи? — спросила Маша.

Стена стала прозрачной. За ней зажглись двигатели трёх кораблей.

— Мы откроем дорогу, — передал знакомый голос. — И возьмём на борт тех, кому некуда будет возвращаться.

Кранток подписал протокол. Следующим к пластине дотронулся Зурракс. На столе оставили свободное место. Если Отлив вернётся, ей будет где встать.

ГЛАВА 11

Битва за Солнце

На мостике флагмана слышался низкий рокот системы охлаждения. За обзорным экраном сиял узкий край Солнца. До ближайшей Тени оставались десятки тысяч километров, но звёзды за ней уже исчезали.

Сначала из-за диска вынырнули кристаллические корабли Коварнов. Дальше, мерно сокращаясь, держали строй живые корабли Ксилов. Суда Океанидов уходили в глубокое затмение, где легче всего было отличить собственный свет от отражённого. Корабли Духов уже снимали экипажи с повреждённого дозора.

— Шесть секунд на замыкание, — объявила Ингер. Она сидела в Осло перед четырьмя экранами, но Сергей слышал её голос совсем рядом. — Если кто-нибудь сейчас поторопится, нам придётся начинать сначала.

Вторая Тень пересекла заслон без сигнала. Третья замедлилась, когда рядом с ней открыли кристаллический канал. Её вытянуло назад. Из общей темноты показался Пожиратель, и в

тот же миг флагман задрожал. На экране медленно разрасталась чернота. Она затягивала не только свет звезды, но и корабли, которые собирались уйти из стаи.

В ответном канале донёсся голос Маши.

— Два удара. У нас двое потеряли связь. Остальные ждут.

Аиша договорилась с людьми, что они будут называть вслух того, чей сигнал пропал. Пока оставалось кому назвать имя, оператор не закрывал канал, и корабль можно было найти по обратному отклику.

На третьей попытке у Сергея дрогнула память. Он посмотрел на имя Ингер и на секунду не вспомнил, откуда она. В этот момент раздался её стук — два коротких удара. Он ответил один раз и удержал курс.

На краю солнца лопнул внешний экран. На схеме осталось свободное место между звёздным пламенем и темнотой. Кранток двинул туда свой корабль.

ГЛАВА 12

Цена победы

У Крантока оставался один спасательный катер. На борту было девятнадцать членов экипажа. Он отправил всех в катер, включая помощницу, которая отказалась уходить без него.

— В Саду Кенны третью строку протокола никто не закончил, — сказал он. — Выведи их и прочитай, когда поимённо пересчитаешь.

Катер отошёл. Духи приняли его на буксир. Кранток развернул в прорехе кристаллический корпус и начал выжигать в нём каналы, по которым можно было отводить солнечный поток. Автопилот отключился на втором манёвре. Пять минут, нужных для последней пересадки экипажей, ему пришлось держать корабль вручную.

— Кранток, ты уходишь последним, — сказал Сергей. — Мы пришлём катер.

— Твой канал жив ещё сорок секунд. Займись тем, что умеешь ты.

Сергей открыл кристалл. Пожиратель рванулся к Солнцу и сразу же попал на встречную волну. На миг его край оторвался от стаи. Отлив встала в проёме двумя раздельными вспышками.

«Он услышит, если сам ответит», — предупредила она.

Сергей показал ему картошку из золы, которую ел с друзьями у реки. Тала — первый самостоятельный ответ Лира. Зурракс передал мгновение, когда смог закрыть собственную сторону кристалла. Пожиратель наблюдал достаточно долго, чтобы исчез рёв в динамиках; потом показал Сергею свой первый страх. В его памяти все голоса однажды слились, и он уже не смог отыскать среди них свой.

— Здесь есть выход, — сказал Сергей. — Можешь закрыть дверь.

Темнота дрогнула. Пожиратель стянул шлейф и отступил к окраине системы. Часть Теней двинулась за ним, а часть осталась у отдельного канала Отлива. Солнце снова стало видно.

За минуту до того, как флагман Коварнов распался, его помощница ответила из катера. Она пересчитала восемнадцать человек и себя. Потом прочитала третью строку:

— «Все, кого мы назвали, остаются с нами».

В наушнике Сергея Кранток коротко постучал в ответ.

ГЛАВА 13

Новый рассвет

Ингер вышла из автобуса у магазина, где Сергей когда-то покупал соль к картошке. Он узнал её по тому, как она придерживала ремень сумки у плеча. Подошёл, поставил её чемодан на землю и всё-таки спросил, можно ли обнять.

На холм они поднялись с двумя стаканчиками кофе. Сергей пил без сахара. Ингер положила себе два пакетика и рассмеялась, потому что в архивных снах он почему-то всегда приносил ей чай.

На стене церкви свежей доской прикрыли провал. Лёшка помогал отводить воду от фундамента, когда Сергей нашёл у подножия колонны знакомую царапину. Димка отыскал ещё одну, под старой ступенью. Оказалось, там удобно оставлять записки в детстве.

Ингер вынула фотографию трактата. Было видно кривую, но слов по-прежнему не было. Она нашла у Духов способ вложить в уже существующий шов запись, которую сможет прочитать только тот, кто сам дойдёт до нужного вопроса. Прежние

события от этого не менялись. Запись появлялась как отзвук рядом с человеком, который на неё настроился.

Она сама перенесла в шов свою кривую. Сергей добавил фразу, которую Ингер когда-то увидела на листе. На секунду фреска осветила его пальцы. Датой на бумаге остался 1826 год, временем первого послания — момент, когда Ингер увидела восемь задержавшихся часов.

К вечеру поднялся ветер. Оба присели на ступени. Сергей достал из кармана латунную ложку. Он собирался вернуть её Димке, когда тот заберёт с холма инструменты.

— А как называется место, где всё началось? — спросила Ингер.

— Светлая, — сказал Сергей. — Так и пиши, если будешь указывать адрес.

Она взяла его за руку. На этот раз не требовались никакие расчёты, чтобы почувствовать тепло.

Эпилог. Хранители Спирали

Через год в первом зале Межзвёздного института времени поставили деревянный стол. Его привезли из центра для переселенцев, где Маша когда-то отстучала карандашом ответ на незнакомый голос. По просьбе Аиши у обеих дверей оставили свободный проход. В зале можно было слушать, уходить и возвращаться, не спрашивая разрешения.

Ли Вэй на первом этаже проверял двигатель, который мог удержать корабль внутри собственного времени на протяжении целого часа. Рядом Чэнь зачёркивал пункты новой инструкции. Джозеф выходил на связь с Танганьики, где учил операторов узнавать ритм волны с закрытыми глазами. Такер проложил две независимые линии к Совету Миров и каждую неделю сам отключал одну, чтобы проверить, работает ли вторая.

На площади Цитадели Коварнов появилось имя Крантока. Зурракс послал туда один из своих живых кристаллов. Под стеклом внутри него сохранились два удара — ответ, который Кранток успел дать перед тем, как погас его экран.

Тала прислала сон об Океане. Теперь город Х’тарры начинал вечер с короткого ответа каждому, кто подошёл к его границе. Дети любили делать в этом ответе длинную паузу: за неё успевал приплыть кто-нибудь ещё.

В конце осени очередь дошла до Пожирателя. В общем журнале было известно только время первого вызова. Он пришёл один и отказался от открытого канала. Тем не менее оставил сигнал для следующей встречи. Ингер записала его рядом с расчётами, которые ещё предстояло проверить.

Сергей выключил свет в зале. На столе остались тетрадь Маши, два затупившихся карандаша и бумажка с номером автобуса до Светлой. В тишине раздались два удара.

Он взял карандаш и ответил.

СПИРАЛЬ ВРЕМЕНИ

Летом 2012 года Сергей исчез в подвале старой церкви. Домой он вернулся в ту же ночь, но так и не смог вспомнить, как выбрался. Двенадцать лет спустя стертая фреска снова дает о себе знать.

След ведет в Белую комнату, где семеро незнакомцев понимают друг друга без переводчика. Тот же след находит Ингер в старой рукописи. Вместе они узнают, почему в одном из будущих Солнце погасло.

Пока Тени стягивают кольцо вокруг звезды, Сергей и Ингер собирают союзников. Им нужно удержать открытой дверь, которую в любую минуту вправе закрыть даже их противник.

